

Старый марксизмъ и современная соціалъ-демократія.

I.

Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ статей по поводу уже окончившагося теперь столкновѣнія между Германіей и Франціей, вызваннаго мароккскимъ вопросомъ, Жоресъ цитируетъ слова «Vorwaerts», оффиціального органа нѣмецкой соціалъ-демократіи, о растущемъ политическомъ значеніи пролетаріата, «который будетъ всѣми силами противиться преступной попыткѣ натравливанія другъ на друга двухъ сосѣднихъ народовъ»,—но при этомъ прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе:

«Конечно, мы не будемъ предаваться самодовольнымъ иллюзіямъ; мы хорошо знаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей ни рабочій классъ, ни соціалистическая партія еще не обладаютъ достаточными силами, чтобы составить противовѣсъ алчности и соперничеству» (*L'Humanité*, № 431).

Подобнаго же рода заявленіе было сдѣлано Бебелемъ на Амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., когда онъ призналъ невозможнымъ для нѣмецкой соціалъ-демократіи бороться въ настоящее время съ властью германскаго императора: подождемъ, сказалъ онъ, когда насъ будетъ не три, а семь или восемь милліоновъ.

Въ этихъ, несомнѣнно, очень компетентныхъ оцѣнкахъ современнаго политическаго положенія соціалистическихъ партій въ наиболѣе промышленныхъ западно-европейскихъ странахъ интересно отмѣтить вполне опредѣленное указаніе на то, что, несмотря на свою очень большую численность, онѣ все еще занимаютъ далеко не господствующее политическое положеніе и даже обнаруживаютъ, при всѣхъ столкновѣніяхъ съ буржуазными правительствами, свою сравнительную политическую слабость. Это обстоятельство ставитъ передъ нами весьма важный вопросъ *объ основныхъ причинахъ* такого явленія. До сихъ поръ теоретики социализма занимались преимущественно выясненіемъ причинъ громаднхъ успѣховъ и быстрого роста соціалистическаго движенія въ западно-европей-

скихъ промышленныхъ странахъ; вопросъ же о сравнительныхъ политическихъ *итогахъ* этого движенія, о занимаемомъ имъ положеніи по отношенію къ другимъ общественнымъ теченіямъ и объ его роли въ общемъ распредѣленіи политическихъ силъ оставался болѣе или менѣе въ сторонѣ. Подразумѣвалось, что этотъ вопросъ уже съ достаточною опредѣленностью разрѣшается самымъ фактомъ непрерывнаго роста и развитія соціалистическаго движенія въ рабочей средѣ, такъ какъ предполагалось, что, когда это движеніе достигнетъ опредѣленныхъ размѣровъ, оно должно будетъ, въ силу присущихъ ему революціонныхъ стремленій, овладѣть политической властью и произвести соотвѣтствующій общественный переворотъ.

Но такая постановка вопроса могла бы считаться правильной только въ томъ случаѣ, если бы ростъ соціалистическаго движенія можно было разсматривать независимо отъ роста и развитія другихъ, противоположныхъ ему, общественныхъ факторовъ, или если бы этотъ ростъ совпадалъ съ упадкомъ и разложеніемъ противодействующихъ ему общественныхъ теченій; тогда одно собственное развитіе соціалистическаго движенія уже достаточно опредѣляло бы собою общее положеніе дѣлъ. Между тѣмъ, въ той теоріи научнаго соціализма, которую мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ, а именно въ соціаль-демократической теоріи, вопросъ этотъ поставленъ, какъ извѣстно, совершенно иначе, такъ какъ самый ростъ соціалистическаго движенія оказывается въ ней находящимся въ прямой зависимости отъ роста и развитія крупнаго капиталистическаго производства, составляющаго главную основу экономического могущества буржуазіи. Но такъ какъ вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства очевидно должно возрастать также политическое значеніе опирающагося на него общественнаго класса, т. е. буржуазіи, интересы которой сталкиваются самымъ непосредственнымъ образомъ съ интересами соціалистическаго движенія, то ясное дѣло, что при такомъ опредѣленіи условій развитія соціализма одного указанія на его непрерывное развитіе уже недостаточно для подведенія конечныхъ политическихъ итоговъ, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь уже не объ одномъ непрерывно развивающемся общественномъ факторѣ, а объ извѣстномъ соотношеніи между двумя одинаково растущими и развивающимися общественными силами: соціализмомъ и буржуазіей.

Легко видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что, когда данное общественное положеніе опредѣляется прямымъ соотношеніемъ между двумя одновременно растущими и развивающимися общественными величинами, то такого рода формула является какъ бы уравненіемъ съ двумя неизвѣстными, не охватывающимъ всѣхъ элементовъ даннаго политическаго положенія и не указывающимъ на приближеніе къ какому-нибудь опредѣленному политическому результату. Растетъ крупная капиталистическая промышленность и вмѣстѣ съ нею ра-

стеть экономическое и политическое могущество буржуазіи; съ другой стороны, развивается соціалистическое движеніе и вмѣстѣ съ нимъ развивается также извѣстная политическая партія съ совершенно опредѣленными идеалами общественнаго переустройства. Но что же дальше? Гдѣ выходъ изъ этого замкнутого круга? Когда Бебель указывалъ въ своей амстердамской рѣчи на предстоящій дальнѣйшій ростъ нѣмецкой соціаль-демократіи, то при этомъ, согласно соціаль-демократическому пониманію условій развитія рабочаго движенія, необходимо подразумѣвалось также дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности; но развѣ дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности не предполагаетъ неизбежнаго дальнѣйшаго развитія политическаго могущества нѣмецкой буржуазіи?

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ современной соціаль-демократической теоріи научнаго соціализма замѣчается очень существенный теоретическій пробѣлъ, оставляющій въ полной неизвѣстности общественные и политическіе итоги соціаль-демократическаго движенія. Опираясь въ своей главнѣйшей и даже единственной предпосылкѣ на громадное развитіе крупной капиталистической промышленности, она въ то же самое время какъ бы совершенно не замѣчаетъ той противоположной стороны этого явленія, которая касается столь же громаднаго и столь же неизбежнаго развитія политическаго могущества буржуазіи.

Въ этомъ отношеніи *первоначальная* концепція научнаго соціализма,—того научнаго соціализма сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, который былъ формулированъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ Маркса и Энгельса,—была, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо полнѣе и законченнѣе. Она была построена, какъ извѣстно, на томъ діалектическомъ процессѣ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства, который вытекалъ изъ экономическихъ результатовъ самого этого способа производства,—на томъ разрушительномъ стихійномъ элементѣ *чисто экономического происхожденія*, который зарождался въ самомъ процессѣ капиталистическаго развитія и вынашивался буржуазнымъ обществомъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. Такимъ образомъ, въ этой первоначальной теоріи научнаго соціализма, въ самыхъ свойствахъ крупнаго капиталистическаго производства уже оказывался источникъ не только его дальнѣйшаго развитія, но и его неминуемой экономической гибели. Такимъ неизбежнымъ источникомъ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства являлись въ Коммунистическомъ Манифестѣ, какъ извѣстно, все возрастающіе промышленные кризисы, которые должны были вызывать въ буржуазномъ обществѣ все усиливающіяся экономическія потрясенія, сопровождающіяся настоящими общественными катастрофами:

«...Современное буржуазное общество—читаемъ мы въ Комму-

нистическомъ Манифестѣ,—какъ бы волшебствомъ создавшее столь могучія средства производства и обращенія, походить на волшебника, не могущаго совладать съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. За послѣднія десятилѣтія исторія промышленности и торговли является ничѣмъ инымъ, какъ исторіей возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ производственныхъ отношеній, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ жизненныхъ условій буржуазіи и ея господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые въ своемъ періодическомъ возвращеніи *все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества* (курсивъ нашъ)... Общество оказывается неожиданно возвращеннымъ въ состояніе мгновеннаго варварства: кажется, что голодъ, всеобщая истребительная война лишили его всѣхъ жизненныхъ средствъ; кажется, что промышленность и торговля уничтожены...» и т. д. *).

Вотъ, слѣдовательно, какая важная дополнительная идея выдвигалась первыми теоретиками научнаго социализма, въ прямой связи съ идеей о подготовленіи условій социалистическаго переворота путемъ развитія капиталистическаго способа производства. Дѣло шло здѣсь уже не объ одномъ только социалистическомъ движеніи, но также и о все болѣе и болѣе усиливавшихся экономическихъ кризисахъ, которые угрожали самому существованію буржуазнаго общества, о перспективѣ повторявшихся все въ большихъ и большихъ размѣрахъ общественныхъ катастрофъ, сопровождавшихся уничтоженіемъ «массы производительныхъ силъ» и въ корнѣ подрывавшихъ прочность самой буржуазной собственности.

Такимъ образомъ, согласно этой первоначальной концепціи, надъ буржуазнымъ обществомъ, помимо роста социалистическаго движенія, тяготѣла еще разрушительная стихійная сила самого экономического процесса; и вотъ эта-то именно стихійная разрушительная сила и создавала для него совершенно невозможное по своей неустойчивости и необезпеченности положеніе, ибо періодическое возвращеніе бѣдствій, напоминающихъ истребительныя войны, уничтожающихъ массу производительныхъ силъ и—что всего важнѣе—*постоянно и неизбежно возрастающихъ* вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ основъ даннаго общественнаго строя, ни въ какомъ случаѣ не могло быть совмѣстимо съ прочностью и устойчивостью его существованія. Что же касается *пролетаріевъ*, то они, какъ извѣстно, выступали въ этомъ, по существу своему, чисто экономическомъ разрушительномъ процессѣ лишь въ роли «могильщиковъ» буржуазнаго общества, уже осужденнаго на гибель самыми условіями капиталистическаго способа производства; пролетаріи должны были лишь «направить» на буржуазію то смер-

*) Переводъ Поссе, стр. 20—21.

тоносное оружіе, которое она «сама выковывала для себя» вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ росло ея экономическое могущество; оружіе же это заключалось, по словамъ Ком. Манифеста, въ томъ, что сама буржуазія «подготавливала все болѣе всесторонніе и сильные кризисы и въ то же время уменьшала средства для предупрежденія ихъ».

Такимъ образомъ, по идеѣ Ком. Манифеста, развитіе капиталистическаго способа производства не только не должно было сопровождаться непрерывнымъ возрастаніемъ могущества и прочнаго благосостоянія буржуазнаго класса, но, напротивъ того, это могущество и прочность этого благосостоянія должны были все болѣе и болѣе ослабѣвать вмѣстѣ съ ростомъ капитализма; буржуазія сама должна была оказаться жертвой вызванныхъ ею экономическихъ силъ, съ которыми она не была въ состояніи справиться. Подобно тому, какъ французскій абсолютизмъ до-революціонной эпохи, все подчинившій своей основной идеѣ бюрократическаго самовластия, погибъ, вслѣдствіе своего собственнаго непомѣрнаго роста, капиталистическій строй долженъ былъ также погибнуть, вслѣдствіе логическаго развитія заложенныхъ въ его основу экономическихъ принциповъ, приведшихъ буржуазное общество къ неизбѣжнымъ и гибельнымъ экономическимъ катастрофамъ; и подобно тому, какъ буржуазія XVIII вѣка, еще далеко не охватившая тогда своимъ вліяніемъ всего государства, явилась историческимъ могильщикомъ обанкротившагося западно-европейскаго абсолютизма, получивъ отъ него при этомъ въ наслѣдство государственную власть, пролетаріатъ также долженъ былъ явиться могильщикомъ уже полуразрушеннаго и расшатаннаго въ своихъ экономическихъ основахъ буржуазнаго общества—въ качествѣ наиболее жизнеспособной политической партіи, выставяющей идеалы болѣе устойчиваго общественнаго строя.

Вотъ, слѣдовательно, какая первоначальная концепція имѣлась въ виду творцами экономическаго матеріализма. Въ этой концепціи были, дѣйствительно, на лицо всѣ тѣ элементы, которые должны были привести въ дѣйствіе механизмъ даннаго общественнаго переворота: въ основѣ его лежалъ стихійный ростъ крупной капиталистической промышленности, создавшій огромныя богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ «регулярно уничтожавшій значительную часть не только выработанныхъ продуктовъ, но и уже созданныхъ производительныхъ силъ». На фонѣ этого экономическаго процесса стояли лицомъ къ лицу двѣ главныя общественныя силы, изъ которыхъ одна, державшая въ своихъ рукахъ всѣ нити государственной жизни, находилась въ состояніи прогрессирующей дезорганизациі и все болѣе и болѣе утрачивала способность поддерживать необходимое равновѣсіе въ томъ обществѣ, которымъ политически руководила; другая же общественная сила, все болѣе и болѣе растущая, организованная и сплоченная, выставяла на своемъ знамени такія новыя нормы общественной жизни, которыя

навсегда обезпечивали общество от потрясавшихъ его экономическихъ кризисовъ. Конечный результатъ такого положенія вещей не могъ подлежать сомнѣнью. Это была вполне законченная концепція, при чемъ на сторонѣ социалистическаго переворота была не только организованная сила городского пролетаріата, но также и экономическая необходимость гибели буржуазнаго общества; и вотъ эта именно неустраняемая экономическая необходимость составляла дополненіе къ тому недостаточному обоснованію социалистическаго переворота, которое указываетъ лишь на ростъ социалистическаго движенія вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ капиталистическаго способа производства.

Если бы мы выбросили изъ аргументаціи Ком. Манифеста это ея необходимое звено, т. е. если бы мы допустили, что капитализмъ на всѣхъ ступеняхъ своего развитія обладаетъ возможностью поддерживать извѣстное экономическое правновѣсіе и обеспечивать извѣстную степень устойчивости существующихъ имущественныхъ отношеній, такъ, чтобы производительныя силы, находящіяся въ его рукахъ, уже не оказывались бы «слишкомъ могучими для этихъ отношеній» и не грозили бы чисто-стихійнымъ, самопроизвольно-механическимъ путемъ самому «существованію буржуазной собственности», то въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія чисто экономического обоснованія социалистическаго переворота, мы неизбѣжно вернулись бы опять къ тому неопредѣленному представленію о двухъ одновременно растущихъ противоположныхъ общественныхъ силахъ, которое не дало бы намъ возможности подвести конечные итоги социалистическаго движенія.

Но спрашивается: не случилось ли какъ развѣ этого самаго съ первоначальнымъ старымъ марксизмомъ т. е. съ его теоретическимъ обоснованіемъ социалистическаго переворота, и не было ли дѣйствительно выброшено изъ него самую жизнь и самое необходимое звено аргументаціи, о которомъ мы только что говорили? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видимъ, какъ подъ вліяніемъ экономическаго опыта послѣднихъ десятилѣтій идея стихійнаго саморазрушенія, якобы присущаго буржуазному строю, все болѣе и болѣе отступаетъ на второй планъ, все болѣе и болѣе изглаживается изъ представленія о судьбахъ капитализма? Развѣ мы не видимъ, какъ подъ вліяніемъ этого экономическаго опыта, теорія промышленныхъ кризисовъ, какъ источника все усиливающихся общественныхъ катастрофъ, совершенно оставляется въ сторонѣ новѣйшими теоретиками социаль-демократической школы? Трудно думать даже, чтобы кому-нибудь изъ нихъ пришло теперь въ голову сравнивать положеніе экономически развитыхъ и нѣ успѣшно прогрессирующихъ въ своемъ экономическомъ развитіи странъ съ ареной періодическихъ возвратовъ варварства, голодовокъ и всеобщихъ истребительныхъ войнъ. Эти картины общественныхъ бѣдствій, связанныхъ съ ростомъ капитализма, уже не пугаютъ болѣе

воображенія носителей буржуазной собственности. Положеніе современныхъ обладателей капитала стало гораздо спокойнѣй и устойчивѣй прежняго, вслѣдствіе необычайнаго расширенія размѣровъ самаго капиталистическаго производства и необычайнаго развитія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ рынковъ—въ силу чего неизбежные при этомъ промышленные и торговые кризисы дѣлаются все болѣе и болѣе частичными по отношенію ко всей необъятной области капиталистическаго способа производства и не производятъ общихъ потрясеній въ экономической жизни промышленно развитого государства. Кромѣ того, классъ капиталистовъ все болѣе и болѣе организуется теперь для защиты своихъ общихъ интересовъ и для предотвращенія особенно крупныхъ опасностей экономической анархіи; съ этою цѣлью возникаютъ, какъ извѣстно, не только синдикаты промышленниковъ одной и той же страны, но также и *международные союзы* заводчиковъ и фабрикантовъ одной и той же отрасли производства, какъ, на примѣръ, «Международная федерація хозяевъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ», собиравшаяся въ 1905 г. въ Лондонѣ по случаю ожидаемаго хлопкового кризиса. Такимъ образомъ, буржуазное общество, вопреки ожиданіямъ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, сумѣло такъ или иначе справиться съ вызванными имъ подземными силами въ интересахъ своего собственнаго мирнаго житія и уже не считаетъ теперь себя живущимъ на вулканической почвѣ, периодически потрясаемой этими подземными силами, точно такъ же, какъ не считаютъ его теперь живущимъ на этой почвѣ и современные теоретики социаль-демократической школы.

Разсуждая въ 1899 году о значеніи промышленныхъ кризисовъ, во время своей полемики съ Бернштейномъ, Каутскій обещивалъ даже, чтобы Марксъ и Энгельсъ когда-либо придавали этимъ кризисамъ первостепенное значеніе въ вопросѣ о конечныхъ результатахъ процесса капиталистическаго развитія; онъ говорилъ, что вліяніе экономическихъ кризисовъ лишь второстепеннаго характера, что они лишь «ускоряютъ процессъ концентрации капитала, увеличиваютъ массы пролетаріевъ и необезпеченность ихъ положенія», но что «конечные результаты этого развитія ни въ чемъ не измѣнились бы, если бы даже періодические кризисы не были неизбежно связаны съ самымъ существомъ капиталистическаго способа производства» *).

Мы видимъ, слѣдовательно, что одна изъ основныхъ идей Коммунистическаго Манифеста, связывавшая гибель буржуазнаго строя съ разрушительнымъ дѣйствіемъ стихійныхъ экономическихъ силъ, выбрасывается теперь за бортъ новѣйшими теоретиками социаль-демократической школы. Оказывается, что промышленные кризисы лишь содѣйствуютъ концентрации капитала и обостряютъ условія классовой

*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 135! *

борьбы. Что же касается ихъ вліянія на самую возможность дальнѣйшаго существованія для буржуазнаго общества, то это вліяніе понимается Каутскимъ уже вовсе не въ томъ рѣшающемъ значеніи, въ какомъ оно понималось прежде, а лишь въ смыслѣ общей тенденціи капиталистическаго способа производства перерастать имѣющіеся у него рынки и вытекающей отсюда для него необходимости постоянной погони за пріобрѣтеніемъ новыхъ; но «такъ какъ и внѣшніе, и внутренніе рынки имѣютъ свои границы, между тѣмъ, какъ способность производства къ расширенію практически безгранична», то отсюда и получается чисто теоретическій пока выводъ о неизбѣжномъ наступленіи того отдаленнаго историческаго момента, когда экономическіе кризисы примутъ уже хроническую и ничѣмъ неустранимую форму. Но при этомъ Каутскій такъ характеризуетъ наступленіе этого момента:

«Процессъ наступленія хроническаго перепроизводства можетъ быть медленнымъ и длящимся; мы такъ же мало знаемъ о томъ, какимъ путемъ оно наступитъ, какъ и о томъ, когда оно наступитъ. Я даже охотно признаю, что можно сомнѣваться вообще, наступитъ ли оно когда-нибудь, и тѣмъ болѣе сомнѣваться, чѣмъ быстрѣе будетъ идти ростъ соціалистическаго движенія». И далѣе:

«Неустранимое хроническое перепроизводство намѣчаетъ собою тотъ послѣдній предѣлъ, до котораго капиталистическій режимъ можетъ поддерживать свое существованіе, но это еще вовсе не значитъ, чтобы оно непременно намѣчало собою причину его гибели. Мы уже видѣли, что матеріалистическое пониманіе исторіи на ряду съ экономической необходимостью признаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые хотя и опредѣляются экономическими мотивами, но въ то же время носятъ во многихъ отношеніяхъ идейный и этический характеръ, и котрые мы включаемъ въ общую формулу классовой борьбы. Классовая борьба можетъ повести къ низверженію капиталистическаго способа производства раньше, чѣмъ послѣднее вступить въ періодъ своего разложенія» *).

Итакъ, согласно этому новому пониманію научнаго соціализма, классовая борьба, т. е. именно борьба, вызываемая численнымъ ростомъ пролетаріата и ростомъ его сознанія, и должна будетъ послужить основною причиною паденія буржуазнаго строя. Развивающееся капиталистическое производство создаетъ все новыя и новыя массы пролетаріата и тѣмъ расширяетъ размѣры вѣдомой имъ классовой борьбы; въ этомъ ростѣ пролетаріата и въ этомъ расширеніи связаннаго съ нимъ рабочаго движенія заключается сущность объясненія современной соціаль-демократической школой основныхъ источниковъ соціалистическаго переворота.

Мы уже указывали въ началѣ статьи на неполноту и односто-

*) Ibid., стр. 142—145.

ронность этой теоріи. Ея неполнота и ея односторонность заключаются въ томъ, что она ничего не говоритъ намъ о другой сторонѣ дѣла, о той противоположной общественной силѣ, которая ведетъ классовую борьбу съ пролетаріатомъ. Сохраняя во всей неприкосновенности основу своего экономического построенія, т. е. принимая по прежнему за эту основу процессъ развитія капиталистическаго способа производства, въ формѣ крупной промышленности, и связывая именно съ этимъ процессомъ все дальнѣйшее развитіе соціалистическаго движенія, она въ то же время оставляетъ совершенно безъ вниманія растущія силы самаго капитализма. Мы видимъ, что въ первоначальной концепціи научнаго соціализма этой односторонности не было; напротивъ того, тогда главное вниманіе было обращено именно на *стихійныя экономическія силы*, подрывающія устойчивость капиталистическаго строя,—при чемъ въ этомъ именно и проявлялась экономическая сторона всего діалектическаго процесса; буржуазное общество само порождало въ своихъ недрахъ тѣ *экономическіе факторы*, которые подрывали его существованіе—чѣмъ очень существенно облегчалась революціонная задача пролетаріата; послѣднему приходилось дѣйствовать въ одномъ направленіи съ ходомъ экономического развитія, на его сторонѣ стоялъ основной экономическій законъ всей исторіи.

Теперь все это исчезло изъ представленія о томъ стихійномъ экономическомъ процессѣ, которымъ опредѣляется ходъ развитія буржуазнаго общества съ его ростомъ и паденіемъ, смѣняющимися по формулѣ діалектическаго самоотрицанія; теперь отъ всей этой матеріалистической концепціи остались только одни «могильщики», которые при томъ же, какъ признаетъ самъ Каутскій, двигаются въ своей борьбѣ многими «идейными и этическими мотивами». Вся самоотрицающая роль капиталистическаго способа производства ограничивается, по этой новѣйшей соціаль-демократической теоріи, лишь тѣмъ, что онъ порождаетъ острое недовольство своимъ положеніемъ въ охваченныхъ имъ массахъ населенія, организуетъ ихъ и развиваетъ ихъ классовое самосознаніе. Это, конечно, не мало; но гдѣ же здѣсь *экономическая* сторона самоотрицанія? Гдѣ тотъ разрушающій экономическій процессъ, который способствовалъ бы пролетаріату въ его борьбѣ, подтачивая самыя экономическія основы даннаго общественнаго строя? Представимъ себѣ, что, при смѣнѣ феодально-монархическаго режима буржуазнымъ, на сторонѣ буржуазіи было бы только ея острое недовольство старымъ порядкомъ и ясное сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ; на сторонѣ же монархіи и феодальныхъ землевладѣльцевъ были бы ихъ все болѣе и болѣе растущее матеріальное благосостояніе и накопленіе огромныхъ богатствъ, обусловленные самымъ процессомъ экономического развитія: можно ли было бы сказать въ такомъ случаѣ, что буржуазія побѣдила старый порядокъ, *благодаря* содѣйствовавшему ей экономическому процессу? Не слѣдовало ли бы сказать наоборотъ,

что она побѣдила *вопреки* этому процессу, что она побѣдила лишь силою своего сознанія, силою тѣхъ идейныхъ и этическихъ факторовъ, которые проникли въ ея среду при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя противопоставлялись этому со стороны господствующихъ классовъ, опиравшихся на свои богатство и власть? Но не то же ли самое приходится сказать теперь о борьбѣ промышленнаго пролетаріата? Исходя изъ чисто-экономическаго пониманія исторіи, новѣйшая социаль-демократическая школа, благодаря указанному нами перевороту въ ея теоріи, пришла къ тому, что стала уже слишкомъ *не дооцѣнивать* теперь именно вліяніе экономическихъ условій и приписывать слишкомъ большую силу именно идейному фактору сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать легкой и происходящей при особенно благоприятныхъ условіяхъ ту борьбу съ буржуазнымъ государствомъ, которую долженъ вести теперь промышленный пролетаріатъ—противъ соединенныхъ силъ всѣхъ имущественныхъ классовъ, при никогда еще не бывавшемъ въ исторіи развитіи промышленности и накопленіи невиданныхъ ранѣ колоссальныхъ богатствъ въ ихъ рукахъ? Мы знаемъ, что пролетаріатъ ведетъ эту борьбу, опираясь на свое развивающееся политическое сознаніе и пониманіе условій экономической жизни—какъ на единственное орудіе, находящееся въ его голыхъ рукахъ, но мы знаемъ также и то, почему эта борьба не дала еще до сихъ поръ осязательныхъ результатовъ и почти еще не ослабила политическаго могущества буржуазнаго государства: это произошло въ силу тѣхъ огромныхъ *чисто экономическихъ* препятствій, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути революціонное движеніе промышленнаго пролетаріата.

Почему Марксъ и Энгельсъ, въ теченіе нѣкотораго періода времени, такъ сильно вѣрили въ приближеніе социальнаго переворота въ западно-европейскихъ промышленныхъ странахъ и не разъ предсказывали его въ очень близкомъ будущемъ? Потому, что они вѣрили въ неминуемую гибель буржуазнаго общества подъ вліяніемъ самого экономического процесса; потому, что, въ ихъ представленіи, развитіе капиталистическаго способа производства неудержимо влекло буржуазное общество къ невозможному положенію, къ экономическому абсурду. Объ одномъ изъ этихъ экономическихъ абсурдовъ мы уже говорили: буржуазія, согласно идеѣ Коммун. Манифеста, сама подготавливала все болѣе и болѣе опасные для нея промышленные кризисы и въ то же время уменьшала средства противодѣйствія имъ. Другой такого же рода экономической абсурдъ долгое время прочно ассоціировавшійся въ головахъ первыхъ социаль-демократовъ съ идеей капиталистическаго развитія, заключался въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ всѣ средства производства и всѣ накаплиющіяся богатства должны были, по ихъ представленію, все болѣе и болѣе сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ; такимъ образомъ экономическое господство должно было все болѣе и болѣе

превращаться во всепоглощающую власть немногихъ единицъ надъ всѣмъ остальнымъ обществомъ; личный составъ господствующаго меньшинства долженъ былъ все болѣе и болѣе суживаться и стремиться, какъ къ своему предѣлу, къ единому всемогущему обладателю всѣхъ средствъ производства, къ единому всемогущему диктатору.

Въ очень распространенной когда-то книжкѣ такого виднаго марксиста, какимъ былъ Либнехтъ, а именно въ его *„Zur Grund und Bodenfrage“*, можно прочесть по этому поводу слѣдующее мѣсто: «Конечнымъ послѣдствіемъ частной собственности на землю и капиталистическаго производства является концентрирование собственности, богатствъ и власти въ однѣхъ рукахъ. Единый лэндлордъ владѣтель всѣхъ земель и хозяинъ всѣхъ фабрикъ, монополизировавшій все земледѣліе и всю индустрію, имѣющій въ себѣ въ тайнѣ всѣхъ гражданъ и устанавливающій по своему произволу цѣны на всѣ жизненные припасы и другіе продукты, единый пастиръ и единое стадо, единый рабовладѣлецъ, выгоняющій своимъ «бичемъ» на работу своихъ деревенскихъ и городскихъ рабовъ; словомъ, такая политическая и экономическая зависимость, по сравненію съ которой даже положеніе древнихъ египтянъ при фараонахъ казалось бы архи-демократическимъ, — вотъ апогей, вотъ конечная цѣль и идеаль современной капиталистической культуры» (стр. 175).

Нечего говорить о томъ, что подобная тенденція, если бы она дѣйствительно вытекала изъ экономическихъ основъ буржуазнаго строя, изъ законовъ капиталистическаго способа производства, была бы одна равносильна его уничтоженію. Если бы личный составъ буржуазіи все болѣе и болѣе суживался, отбрасывая своихъ членовъ въ низшіе общественные слои, то поддержаніе политическаго господства стало бы для нея невозможнымъ; это было бы такой же процессъ саморазрушенія, какъ и при постоянно-возрастающихъ экономическихъ кризисахъ. Но мы знаемъ, что ничего подобнаго не имѣется на лицо и что позднѣйшіе теоретики социаль-демократической школы должны были отбросить также и эту первоначальную идею и придать тезису Маркса относительно концентрации капитала совсѣмъ другое толкованіе.

«Марксъ и Энгельсъ никогда не отрицали, что число капиталистовъ возрастаетъ — читаемъ мы теперь у Каутскаго, — это возрастаніе составляетъ, напротивъ того, естественное послѣдствіе расширенія капиталистическаго способа производства. Но одновременно съ этимъ быстро растетъ также и пролетарское населеніе, быстрѣе чѣмъ общее населеніе страны. Отсюда уже можно заключить, что въ чемъ мы еще болѣе убѣдимся въ послѣдствіи, — что приростъ капиталистовъ долженъ происходить не на счетъ пролетаріата, а на счетъ другихъ слоевъ населенія — мелкой буржуазіи и крестьянства»*)

*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 84—85.

Такимъ образомъ, концентрація капитала понимается теперь Каутскимъ уже не въ смыслѣ сосредоточенія средствъ производства въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа лицъ, а въ смыслѣ все большаго и большаго расширенія размѣровъ самого капиталистическаго способа производства, въ смыслѣ стремленія капитала захватывать въ свою власть все новыя и новыя средства производства и вводить ихъ въ сферу крупной промышленности,—словомъ, въ смыслѣ замѣны разсѣяннаго и раздробленнаго мелкаго производства сконцентрированнымъ крупнымъ производствомъ. Отсюда вытекаетъ, конечно, само собою, что общее число капиталистовъ можетъ постоянно возрастать и, какъ мы знаемъ, постоянно возрастаетъ на самомъ дѣлѣ, при чемъ это нисколько не противорѣчитъ теоріи концентраціи. «Теорія Маркса утверждаетъ только,—говоритъ Каутскій—что (при общемъ приростѣ населенія) всего быстрее возрастаетъ классъ наемныхъ рабочихъ и крупная буржуазія, промежуточные же между ними слои относительно уменьшаются» (ibid, стр. 89).

Такова современная теорія концентраціи. Легко видѣть, что она совершенно разрушаетъ представленіе о томъ крайне неустойчивомъ политическомъ положеніи, къ которому стремились бы буржуазное общество, если бы его развитіе предполагало господство все болѣе и болѣе замкнутой олигархіи. Мало того, эта теорія не только не подтверждаетъ первоначальныхъ надеждъ на эту вторую форму саморазрушенія капиталистическаго строя подъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ, но, напротивъ того, содержитъ въ себѣ указаніе на постоянно возрастающую его устойчивость.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на нѣкоторыхъ очень важныхъ теоретическихъ разъясненіяхъ, которыя мы находимъ у Каутскаго же въ его книгѣ о Бернштейнѣ и соціалъ-демократической программѣ,—книгѣ, въ которой эта программа подвергается полному пересмотру и обновленному теоретическому обоснованію (книга вышла въ 1899 году).

Оспаривая то положеніе Бернштейна, согласно которому вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма увеличиваются средніе, промежуточные слои населенія и сглаживаются классовыя противорѣчія, Каутскій утверждаетъ, что на основаніи статистическихъ данныхъ мы можемъ говорить лишь объ *абсолютномъ* увеличеніи числа имущихъ лицъ въ промышленно-развивающихся странахъ, а не объ *относительномъ*, процентномъ увеличеніи ихъ, по сравненію съ общимъ приростомъ населенія. Но такъ какъ при этомъ заходитъ рѣчь и объ Англіи, гдѣ Каутскій допускаетъ возможность даже и *относительнаго* увеличенія числа имущихъ, то въ виду этого онъ настаиваетъ на проведеніи строгаго разграниченія между *промышленнымъ* капиталомъ, съ одной стороны, и *торговымъ и денежнымъ*—съ другой, при чемъ всѣ выводы, касающіеся революціонной роли капиталисти-

ческаго способа производства, онъ считаетъ возможнымъ примѣнить лишь къ области одного промышленнаго капитала.

«Съ марксистской точки зрѣнія—говорить онъ—въ современномъ обществѣ революціонная сила лежитъ не въ капиталѣ вообще, а лишь въ *промышленномъ капиталѣ*; только послѣдній представляетъ собою ту силу, которая создаетъ подготовительныя условія для соціалистическаго способа производства и вызываетъ на свѣтъ тѣхъ пролетаріевъ, историческая задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы осуществить этотъ способъ производства» (ibid., стр. 94).

Но если такъ, то спрашивается: какое же значеніе имѣютъ въ такомъ случаѣ, въ общемъ капиталистическомъ развитіи данной страны, *не* промышленные виды накаплиющихся въ ней капиталовъ? Въ самомъ дѣлѣ, говоря объ исключительной принадлежности всего революціонизирующаго вліянія въ промышленныхъ странахъ лишь одному промышленному капиталу, Каутскій не отрицаетъ, конечно, самаго существованія и развитія въ нихъ другихъ формъ капитала, т. е. торговаго и денежнаго; онъ отрицаетъ только ихъ революціонную роль. Но тогда является вопросъ: какую же другую, не революціонную роль они играютъ въ промышленно-развитыхъ странахъ? И вотъ по этому поводу мы также находимъ у Каутскаго очень интересное замѣчаніе.

Говоря о томъ, что для того, чтобы сдѣлать выводы о приростѣ числа имущихъ лицъ въ Англіи, слѣдовало бы сопоставить эти цифры съ приростомъ пролетаріата не только въ самой Англіи, но также и во всѣхъ ея колоніяхъ и во всѣхъ тѣхъ странахъ, въ которыхъ происходитъ эксплуатація труда за счетъ англійскаго капитала, но что для этого нѣтъ соотвѣтствующаго статистическаго матеріала, Каутскій прибавляетъ слѣдующее:

«Тѣмъ не менѣе сравненіе прироста имущихъ въ самой Англіи съ приростомъ ея населенія не было бы лишено своего значенія. Если бы оно показало болѣе быстрое увеличеніе числа имущихъ, то это вовсе не доказало бы ложности закона Маркса о капиталистическомъ способѣ производства, а доказывало бы лишь только то, что въ Англіи растутъ *препятствія для соціализма*» (ibid., стр. 94; курсивъ нашъ).

Вотъ здѣсь-то именно, для выясненія того, почему эти растущія препятствія для соціализма все-таки не опровергали бы теоріи Маркса, Каутскій и устанавливаетъ разграниченіе между промышленнымъ и не промышленнымъ капиталами; такъ какъ теорія Маркса о неизбѣжномъ саморазрушеніи капиталистическаго строя относится лишь къ росту промышленнаго капитала, то очевидно, что тѣ противодѣйствія этому процессу саморазрушенія, какія возникаютъ со стороны непромышленныхъ видовъ капитала, не опровергають этой теоріи, а могутъ даже служить для нея отрицательнымъ подтвержденіемъ.

«Если въ Англіи— снова повторяетъ свою мысль Каутскій— торговый и вложенный въ заграничную индустрію капиталъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ ея промышленный капиталъ, то тогда нѣтъ ничего невозможнаго, что тамъ число имущихъ возрастаетъ быстрѣе всего населенія. Въ такомъ случаѣ возможно также, что социальныя противорѣчія тамъ уменьшаются въ силу того, что социальное развитіе встрѣчаетъ тамъ задержку по сравненію съ такими по преимуществу промышленными странами, какъ Германія и Соединенные Штаты» (ibid.).

Итакъ, мы имѣемъ теперь совершенно опредѣленный отвѣтъ, на вопросъ о томъ, какое вліяніе на условія существованія буржуазнаго общества и на ходъ развитія социалистическаго движенія имѣютъ *непромышленныя* формы капитала при ихъ накопленіи: онѣ *задерживаютъ* это развитіе и способствуютъ укрѣпленію капиталистическаго строя тѣмъ, что увеличиваютъ личный составъ и экономическіе ресурсы его защитниковъ, не увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ силы сопротивленія его противниковъ, ибо «торговый и денежный капиталы не представляютъ собою никакой революціонной силы; сами по себѣ они не создаютъ никакого революціоннаго пролетаріата» *). Но мало того, что они не представляютъ собою никакой революціонной силы и не создаютъ никакого революціоннаго пролетаріата, они, кромѣ того, представляютъ собою реакціонную силу и создаютъ все новыхъ и новыхъ активных защитниковъ капиталистическаго строя, рыцарей биржи, многочисленныхъ торговых дѣятелей и всю многочисленную служебную свиту богатыхъ людей; они создаютъ все болѣе многочисленную среду сторонниковъ буржуазныхъ основъ общественнаго строя и увеличиваютъ его средства самозащиты. Они вовсе не сглаживаютъ общественныхъ противорѣчій и не ослабляютъ классовой борьбы, какъ думаетъ это Бернштейнъ, но они увеличиваютъ силы одной изъ борющихся сторонъ— сильнѣйшей, и тѣмъ еще болѣе затрудняютъ борьбу пролетаріата. Въ Англіи, опередившей всѣ другія страны по степени своего капиталистическаго развитія, денежный капиталъ уже теперь измѣряется колоссальною цифрою 20 милліардовъ рублей. Какое же огромное препятствіе социалистическому движенію долженъ представлять собою въ рукахъ его враговъ этотъ, такъ сказать, *анти-революціонный* буржуазный капиталъ, безъ содѣйствующаго ему промышленнаго пролетаріата! Не мудрено, что въ Англіи рабочій классъ уже не составляетъ такого подавляющаго большинства всего населенія, какъ въ болѣе молодыхъ промышленныхъ странахъ, вслѣдствіе огромнаго количества торговцевъ, рантьеровъ, адвокатовъ, клерковъ, журналистовъ, прислуги и другихъ неизбѣжныхъ членовъ буржуазнаго общественнаго аппарата, оплачиваемаго для своихъ выгодъ или для своихъ удобствъ.

*) Каутскій, ibid., стр. 94.

владельцами капитала. Мы видимъ, такимъ образомъ, что концентрація капитала не только не сопровождалась въ Англіи противопоставленіемъ «единого лэндлорда» и единого диктатора всему остальному обществу, а, напротивъ того, создала цѣлую буржуазную армію, противопоставленную арміи пролетаріата.

Но, быть можетъ, Англія уже намъ больше не указъ? Быть можетъ, Англія представляетъ собою уже не типичную страну капиталистическаго способа производства, а, напротивъ того, нѣчто уродливое и аномальное въ процессѣ промышленнаго развитія? И, дѣйствительно, такъ начинаютъ думать новѣйшіе теоретики социаль-демократической школы: «Если даже допустить — говоритъ Каутскій — что англійскія цифры доказываютъ относительный приростъ имущихъ, то это еще не доказывало бы, что таковъ общій законъ капиталистическаго способа производства, такъ какъ Англія, по видимому, какъ бы уже перестала быть типомъ капиталистическаго индустриализма (*«denn es scheint, als ob England aufhörte den Typus des kapitalistischen Industrialismus zu repräsentiren»* *ibid.*, стр. 93).

Но въ чемъ же, однако, дѣло? Почему эта самая Англія, служившая для Маркса какъ бы образцовой социальной лабораторіей, доставлявшая ему главные факты и примѣры для иллюстраціи его теорій, эта «классическая страна капиталистическаго производства», перестала теперь быть его типичнымъ представителемъ? Всего интереснѣе было бы узнать, у Каутскаго, съ какихъ поръ, по его мнѣнію, произошелъ этотъ неожиданный поворотъ и какія неизвѣстныя Марксу обстоятельства его вызвали. Каутскій упоминаетъ объ англійскихъ колоніяхъ, въ которыхъ наживаются англійскіе чиновники и другіе искатели наживы, а затѣмъ о помѣщеніи англійскаго капитала въ заграничныхъ предпріятіяхъ и долгахъ. Но вѣдь все это было и во времена Маркса. «Съ тѣхъ поръ — говоритъ Каутскій — развитіе въ этомъ направленіи шло гигантскими шагами впередъ» (*ibid.*) Но вѣдь все-таки въ томъ же самомъ направленіи, а не въ какомъ-либо другомъ. Выходитъ какъ будто такъ, что капиталистическое развитіе слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ и сопровождается извѣстными послѣдствіями только до нѣкоторой предѣльной черты, за которой количественное накопленіе капиталовъ и богатствъ въ рукахъ буржуазіи уже измѣняетъ радикально социальное значеніе всего процесса. Но вѣдь съ подобнымъ ограниченіемъ, въ такихъ частичныхъ предѣлахъ, и социально-революціонная школа научнаго социализма никогда не отрицала революционизирующаго вліянія капиталистическаго строя производства.

Или, быть можетъ, капиталистическая Германія и Америка не ведутъ торговли, не ищутъ и не завоевываютъ новыхъ колоній, не посылаютъ своихъ капиталовъ въ заграничныя предпріятія и не участвуютъ въ заграничныхъ ссудахъ? По этому поводу интересно было бы коснуться также вопроса о германскомъ милитаризмѣ и

американскомъ империализмѣ. Мы знаемъ, что въ нѣмецкой социаль-демократической литературѣ писались превосходныя статьи (напр., Парвусомъ) о тѣсной связи огромныхъ военныхъ затратъ и чудовищныхъ армій съ современными задачами капитализма; если даже не останавливаться на экономическихъ результатахъ этой буржуазной политики и не сравнивать размѣровъ растущаго нѣмецкаго и американскаго денежныхъ капиталовъ съ англійскими, то уже само чудовищное развитіе милитаризма, какъ чисто капиталистическаго продукта, также могло бы быть рассматриваемо, какъ одно изъ «препятствій социализму».

Но, возвращаясь къ вопросу о концентраціи капитала, мы должны сказать, что для подтвержденія нашего положенія о возрастающей силѣ сопротивленія буржуазнаго общества вмѣстѣ съ развитіемъ самого капитализма вовсе нѣтъ надобности, чтобы это развитіе сопровождалось увеличеніемъ числа имущихъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ оно, относительно, превышало бы даже процентное возрастаніе пролетаріата, какъ это, быть можетъ, имѣетъ уже мѣсто въ Англіи; достаточно простого указанія на то, что вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма въ буржуазномъ обществѣ неизбежно происходитъ накопленіе денежнаго и торговаго капитала и что это накопленіе идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ успѣшнѣе развивается самое капиталистическое производство, какъ источникъ обогащенія буржуазіи.

Когда вопросъ объ итогахъ социалистическаго движенія ставится такъ, какъ ставитъ его Каутскій, измѣряющій эти итоги исключительно степенью развитія капиталистическаго способа производства, вызывающаго численный приростъ пролетаріата, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ полное право указать на то странное игнорированіе силъ и ресурсовъ противной стороны, о которомъ мы говорили выше. Вмѣсто основной идеи Коммун. Манифеста о неминуемомъ крушеніи капиталистическаго строя подъ напоромъ стихійныхъ экономическихъ силъ, потрясающихъ даже самыя основы буржуазной собственности и обусловливающихъ этимъ неминуемую побѣду пролетаріата, мы видимъ здѣсь какъ бы антитезисъ этой идеи, согласно которому слѣдуетъ заключить, что какъ бы ни укрѣплялась и ни усиливалась экономическая позиція буржуазнаго общества, какіе бы громадныя матеріальныя ресурсы оно ни накопляло въ своихъ рукахъ и какъ бы ими ни пользовалось съ цѣлью своей самозащиты, все это не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія ни на ходъ социалистическаго движенія, ни на результаты классовой борьбы, — лишь бы только хоть сколько-нибудь возрастало, въ общемъ передвиженіи различныхъ слоевъ населенія, процентное отношеніе пролетаріата. Пока накопленіе денежныхъ и торговыхъ капиталовъ не затрогиваетъ этого процентнаго отношенія, до тѣхъ поръ возрастаніе числа имущихъ, напримѣръ, какъ-бы уже не имѣетъ равно никакого социальнаго значенія, но какъ только это процентное от-

ношеніе начинаетъ колебаться и численный приростъ пролетаріата можетъ оказаться меньше относительнаго прироста имущихъ людей, тогда вдругъ все измѣняется и даже такая классическая страна капитализма, какъ Англія, перестаетъ быть типомъ капиталистическаго индустріализма. Можно подумать, что именно сама эта отвлеченная цифра, т. е. извѣстное числовое сочетаніе, имѣетъ такую магическую силу, а не конкретное вліяніе на общественную жизнь тѣхъ огромныхъ богатствъ, которыя накапливаются въ рукахъ господствующихъ классовъ при успѣшномъ развитіи капиталистическаго способа производства. Ибо легко понять, что если дѣло заключается не въ самой цифрѣ, а въ тѣхъ способахъ самозащиты, которые доставляются буржуазному обществу его накапливающимися богатствами, то въ такомъ случаѣ уже одна *тенденція* успѣшно развивающагося капиталистическаго способа производства создавать растущіе денежные и торговые капиталы создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжныя препятствія соціализму въ размѣрахъ своего осуществленія. Но если такъ, то почему же Каутскій думаетъ, что если, напримѣръ, въ Германіи денежный и торговый капиталъ выражается не цифрою 20 милліардовъ, какъ въ Англіи, а цифрою, скажемъ, 5 милліардовъ, то онъ уже не имѣетъ ровно никакого соціальнаго значенія? А если онъ имѣетъ это значеніе и постоянно будетъ расти вмѣстѣ съ дальнѣйшими успѣхами нѣмецкаго индустріализма, то не съ такимъ ли же правомъ, какъ и во времена Маркса, Англія могла бы и теперь сказать Германіи: *De te fabula narratur?*

Но попробуемъ, однако, стать на точку зрѣнія современнаго ученія соціаль-демократической школы; разстанемся съ идеей Коммун. Манифеста о разрушеніи капиталистическаго строя стихійными экономическими силами и будемъ имѣть въ виду лишь его разрушеніе однѣми *политическими силами* развивающагося рабочаго движенія, при чемъ не будемъ также обращать никакого вниманія на возрастаніе политическаго могущества буржуазіи и на усиленіе экономическихъ ресурсовъ, накаплиющихся въ рукахъ господствующихъ классовъ,—ибо такова именно теперь теоретическая позиція сторонниковъ экономическаго матеріализма.

Итакъ, каково же въ дѣйствительности положеніе самихъ рабочихъ массъ въ процессѣ развитія капиталистическаго способа производства? Въ какомъ направленіи оно измѣняется, и какое вліяніе имѣютъ эти измѣненія на ходъ и на характеръ классовой борьбы? По этому поводу мы должны вкратцѣ коснуться здѣсь такъ называемой теоріи обнищанія рабочихъ массъ. Первоначально эта теорія была, какъ извѣстно, формулирована Марксомъ въ двухъ мѣстахъ: въ Коммунистическомъ Манифестѣ и въ предпоследней главѣ I тома «Капитала». Въ Коммун. Манифестѣ Марксъ говоритъ слѣдующее:

«Все предыдущее общество покоилось, какъ мы видѣли, на

противоположности угнетающих и угнетаемых классов; но, чтобы быть в состоянии угнетать класс, этому угнетаемому классу должны быть обеспечены такія условія, при которыхъ онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы поддерживать свое рабское существованіе. При крѣпостной зависимости, крѣпостной поднялся до члена коммуны, такъ же, какъ мелкій горожанинъ подъ игомъ феодальнаго абсолютизма поднялся до буржуа. Современный же рабочий, напротивъ, вмѣсто того, чтобы подниматься съ прогрессомъ промышленности, опускается все ниже сравнительно съ условіями своего собственнаго класса. Рабочій становится нищимъ, и пауперизмъ развивается еще скорѣе, чѣмъ населеніе и богатство» *).

Въ главѣ «Капитала», касающейся «исторической тенденціи капиталистическаго накопленія», относящееся сюда мѣсто гласить слѣдующее:

«По мѣрѣ того, какъ увеличивается число магнатовъ капитала, узурпирующихъ и монополизирующихъ все преимущества этого періода общественнаго развитія, возрастаютъ бѣдствія, угнетеніе, рабство, деградация и эксплуатація, но также и сопротивленіе рабочаго класса, непрерывно растущаго, все болѣе и болѣе дисциплинуемаго, объединяемаго и организуемаго самымъ механизмомъ капиталистическаго производства» **).

Извѣстно, что по поводу этой второй формулировки въ нѣмецкой социаль-демократической литературѣ возникъ большой споръ относительно того, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать здѣсь слова Маркса: «бѣдствія и деградация»,—въ смыслѣ ли увеличенія физической абсолютной нищеты рабочаго класса, или же въ смыслѣ лишь относительнаго пониженія уровня его существованія по сравненію съ возрастающимъ благоденствіемъ и богатствомъ буржуазіи. Если принять въ соображеніе формулировку Коммун. Манифеста, гдѣ говорится, что рабочий опускается, съ прогрессомъ промышленности, «все ниже сравнительно съ условіями своего собственнаго класса», а также, что онъ «становится нищимъ, и пауперизмъ развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе», то скорѣе можно склониться въ пользу перваго толкованія или, по крайней мѣрѣ, допустить, что взгляды самого Маркса на этотъ счетъ измѣнились въ промежутокъ времени между обнародованіемъ Коммун. Манифеста и обнародованіемъ I тома «Капитала». Но въ данномъ случаѣ это не особенно важно для насъ; важно для насъ лишь то обстоятельство, что, благодаря всестороннему теоретическому обсужденію этого вопроса, было выяснено и установлено, какимъ образомъ, въ настоящее время и на основаніи имѣющихся теперь данныхъ, слѣдуетъ представлять себѣ измѣненія, происходящія въ положеніи рабочаго класса подъ вліяніемъ развитія капиталистическаго про-

*) Переводъ Поссе, стр. 26—27.

**) Французское изданіе, стр. 342.

изводства. Прежде всего было установлено, что о буквальномъ, физическомъ и при томъ общемъ обнищаніи рабочихъ массъ, занятыхъ въ крупной промышленности, не можетъ быть и рѣчи; напротивъ того, оказывается, что даже *средній* уровень экономическаго положенія этихъ массъ, въ промышленно-развитыхъ странахъ, не только не понижался абсолютно за весь истекшій періодъ капиталистическаго развитія, но, напротивъ того, постепенно, хотя медленно и неровно, подвигался въ сторону повышенія; если же можно говорить о пониженіи этого общаго уровня, то лишь объ *относительномъ*, лишь въ смыслѣ увеличенія *соціального разстоянія* между рабочимъ классомъ и господствующими имущественными классами. Этотъ общій экономическій результатъ капиталистическаго развитія по отношенію къ положенію рабочихъ массъ, занятыхъ въ крупномъ производствѣ, былъ, какъ извѣстно, констатированъ на Вѣнскомъ соціалистическомъ конгрессѣ 1901 г. и повлекъ за собою нѣкоторыя перемѣны въ формулировкѣ соответствующихъ пунктовъ программы австрійской рабочей партіи. Каутскій, наиболѣе способствовавшій теоретическому выясненію этого вопроса въ соціаль-демократической литературѣ, такъ резюмируетъ свои выводы:

«Теорія Маркса ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ того, что нѣкоторая часть прироста богатствъ выпадаетъ также и на долю рабочаго класса. Безъ сомнѣнія, капиталистическій способъ производства всегда имѣетъ тенденцію къ угнетенію какъ наемныхъ рабочихъ, такъ и остальныхъ народныхъ массъ, вслѣдствіе чего онъ всегда порождаетъ новыя и новыя бѣдствія, но онъ порождаетъ также и такія тенденціи, которыя стремятся къ ограниченію этихъ бѣдствій. Постоянно же возростаютъ не физическія, но соціальныя бѣдствія, а именно — противорѣчіе между культурными потребностями отдѣльнаго рабочаго и его средствами къ ихъ удовлетворенію; другими словами: количество продуктовъ, приходящееся на долю каждаго рабочаго, можетъ увеличиваться, но на его долю приходится все меньшая и меньшая часть вырабатываемыхъ имъ продуктовъ» (*).

Такова современная теорія обнищанія рабочихъ массъ, относящаяся специально къ промышленному пролетаріату. Мы видимъ прежде всего, что эта теорія не упирается, такъ сказать, въ стѣну, не упирается въ то безвыходное положеніе, какое обрисовано въ Коммун. Манифестѣ, когда «угнетаемому не обезпечены даже условія, при которыхъ онъ могъ бы поддерживать свое рабское существованіе». Это безвыходное положеніе создавалось бы лишь въ томъ случаѣ, если бы изъ двухъ тенденцій, свойственныхъ капиталистическому способу производства — тенденціи къ угнетенію рабочаго класса и тенденціи къ ограниченію этого угнетенія, могла факти-

(*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 128.

чески осуществляться только одна первая тенденція; но мы видимъ, что, согласно позднѣйшему знакомству съ фактической стороной дѣла, за второй тенденціей также признается теперь возможность нѣкотораго практическаго воздѣйствія.

Это значитъ, что организованное противодѣйствіе рабочихъ массъ можетъ имѣть для себя непосредственный выходъ въ томъ, чтобы отвоевывать не у погибающей экономически, а у благоденствующей и все болѣе богатѣющей буржуазіи нѣкоторую часть прироста національныхъ богатствъ. Такимъ образомъ, при успѣшномъ развитіи капиталистическаго способа производства, само экономическое положеніе создаетъ возможность нѣкотораго улучшенія въ положеніи рабочаго класса, создаетъ возможность уступокъ со стороны торжествующаго капитализма, возможность нѣкоторыхъ экономическихъ соглашеній между рабочимъ классомъ и буржуазіей, при чемъ эта возможность возрастаетъ вмѣстѣ съ успѣшностью капиталистическаго развитія, обуславливающею самые размѣры накопляемыхъ въ странѣ богатствъ. Понятно, что мы говоримъ здѣсь лишь о *возможности* соглашеній, насколько она опредѣляется экономической стороною дѣла, т. е. лишь о томъ *пути наименьшаго сопротивленія*, который предоставляется рабочему движенію самымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства. Какъ бы мы ни относились къ этому пути соглашеній и частичныхъ уступокъ со стороны буржуазіи, будемъ ли мы считать его политически выгоднымъ или невыгоднымъ для рабочаго класса, съ точки зрѣнія революціоннаго разрѣшенія рабочаго вопроса, но одно несомнѣнно, а именно — что этотъ путь совершенно неустрашимъ при сколько-нибудь значительномъ процвѣтаніи капитализма, ибо въ рукахъ послѣдняго оказывается въ такомъ случаѣ экономическая возможность избѣгнуть путемъ сравнительно небольшихъ уступокъ гораздо болѣе неудобныхъ и опасныхъ для него соціальныхъ конфликтовъ.

Значеніе этого пути компромиссовъ и соглашеній, этого новаго экономического фактора, отсутствовавшаго въ первоначальной концепціи эволюціи буржуазнаго общества, но неизбежно вызываемаго дѣйствительнымъ ходомъ капиталистическаго развитія и проникающаго даже въ завѣтную сферу рабочаго движенія и классовой борьбы, должно быть признано еще болѣе важнымъ, если мы обратимъ вниманіе на способъ распредѣленія тѣхъ экономическихъ улучшеній въ положеніи рабочихъ массъ, которыя обуславливаются успѣшнымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства. Нѣтъ сомнѣнія, что эти улучшенія, въ смыслѣ повышенія *общаго* средняго уровня жизни рабочихъ массъ, очень незначительны, особенно по сравненію съ громаднымъ ростомъ богатства и культуры среди имущихъ классовъ; но дѣло въ томъ, что улучшенія эти распредѣляются далеко неравномѣрно, а, такъ сказать, концентрируются въ той именно части рабочаго класса, которая является наиболѣе организованной, такъ какъ эта наиболѣе орга-

низованная часть рабочаго класса естественно можетъ скорѣе всего вырвать уступки изъ рукъ буржуазіи.

Такимъ образомъ, капиталистическій способъ производства, съ одной стороны, обнаруживаетъ свое революціонизирующее дѣйствіе тѣмъ, что организуетъ рабочія массы и по преимуществу въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя наиболѣе успѣшно охватываются крупною капиталистическою промышленностью, а съ другой стороны, въ этихъ именно отрасляхъ производства онъ предоставляетъ рабочимъ массамъ наибольшую возможность добиваться непосредственныхъ экономическихъ улучшеній,—при чемъ эти улучшенія, сосредоточиваясь въ этихъ наиболѣе благопріятно поставленныхъ отрасляхъ капиталистической промышленности, уже не могутъ быть названы совершенно ничтожными, а напротивъ того, признаются *значительными* даже тѣми наблюдателями, которые вовсе не склонны въ этомъ случаѣ быть оптимистами.

По этому поводу мы считаемъ не лишнимъ привести заключительные выводы Сиднея Вебба и Фридриха Энгельса изъ ихъ изслѣдованій о положеніи рабочаго класса въ Англіи—тѣмъ болѣе, что эти выводы признаются правильными самимъ Каутскимъ и цитируются имъ въ его книгѣ; кромѣ того, выводы Энгельса относятся къ промежутку времени между 1848 и 1885 гг., т. е. къ тому періоду, когда Англія уже несомнѣнно еще была представительницей истинно-капиталистическаго строя. Сидней Веббъ пишетъ въ своей книгѣ «Labour in the longest reign»:

«Во всѣхъ отношеніяхъ можно сказать, что хотя нѣкоторый значительный слой наемныхъ рабочихъ сдѣлалъ довольно большой шагъ впередъ со времени 1837 г., другіе слои, напротивъ того, добились лишь очень ограниченной доли—если только добились вообще какой-нибудь—въ общемъ приростѣ богатства и цивилизаціи. Если мы возьмемъ различныя условія работы и жизни и установимъ извѣстный уровень, ниже котораго жизнь рабочаго уже не можетъ быть названа приличной, то мы найдемъ, что процентное количество тѣхъ, которые, въ отношеніи рабочей платы, рабочаго времени, удобства жилищъ и общей культуры, стоятъ ниже этого уровня, въ настоящее время менѣе, чѣмъ въ 1837 г.; но мы найдемъ также, что самый низкій изъ современныхъ уровней жизни такъ же низокъ, какъ онъ былъ и тогда, и что общее число стоящихъ ниже принятаго нами уровня существованія, по своей абсолютной величинѣ, вѣроятно, даже возвысилось съ 1837 г. Бездна нищеты такъ же глубока въ настоящее время, какъ она была и прежде, и размѣры ея такъ же велики, если еще не больше; слой грязи подъ нашими ногами и въ нашемъ сознаніи остается въ не уменьшенномъ количествѣ» *).

А вотъ что пишетъ Энгельсъ:

*) Цитируемъ по книгѣ Каутскаго „Bernstein etc.“, стр. 117.
Май. Отдѣлъ I.

«Постоянное повышение (съ 1848 г.) замѣчается только у двухъ хорошо защищенныхъ частей рабочаго класса. Первая изъ нихъ—это фабричные рабочіе. Законодательное установленіе въ ихъ пользу хотя сколько-нибудь сноснаго рабочаго дня возстановило болѣе или менѣе ихъ корпоративную организацію и придало имъ, благодаря этой организаціи, еще болѣе моральный авторитетъ. Ихъ положеніе несомнѣнно улучшилось съ 1848 г.... Другая часть—это большіе трэдъ-юніоны. Эти организаціи обнимаютъ такія отрасли труда, въ которыхъ приложима или, по крайней мѣрѣ, преобладаетъ лишь работа взрослыхъ людей. Ни конкуренція дѣтскаго и женскаго труда, ни конкуренція машинъ не могли еще до сихъ поръ сломить ихъ организованной силы... Ихъ положеніе, несомнѣнно, значительно улучшилось съ 1848 г.; лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что вотъ уже въ теченіе болѣе 15 лѣтъ не только ихъ хозяева ими, но и они были въ высшей степени довольны своими хозяевами. Они образуютъ аристократію въ рабочемъ классѣ; имъ удалось добиться сравнительно комфортабельнаго положенія и они принимаютъ это положеніе за окончательное... Но что касается главной массы рабочихъ, то уровень ихъ бѣдствій и необеспеченности ихъ существованія стоитъ такъ же низко, если еще не ниже, чѣмъ прежде» *).

Эти не подлежащія никакому заподозриванію въ оптимизмъ и общепризнанныя свидѣтельства подтверждаютъ, во-первыхъ, то положеніе, что непосредственныя экономическія улучшенія въ промышленно-развитыхъ капиталистическихъ странахъ распредѣляются далеко не равномерно и распространяются лишь на нѣкоторые, хотя и *значительные* слои организованныхъ рабочихъ, достигая при этомъ уже *довольно значительныхъ* размѣровъ, а во вторыхъ,—и это особенно важно—что, благодаря такому неравномерному распредѣленію, эти экономическія улучшенія вызываютъ значительную дифференціацію въ средѣ рабочихъ массъ, выдѣляя изъ нихъ привилегированную часть, рабочую аристократію, какъ говоритъ Энгельсъ, по отношенію къ которой психологическое вліяніе «соціальныхъ различій», на которомъ такъ настаиваетъ Каутскій, должно дѣйствовать уже не только сверху, указывая на разстояніе, отдѣляющее ее отъ буржуазіи, но также и снизу, указывая на разстояніе, отдѣляющее ее отъ низшихъ слоевъ самого рабочаго класса.

Но при этомъ необходимо всетаки отмѣтить, что всѣ эти выводы примѣнимы не ко всякому капиталистическому обществу, не къ каждой странѣ, въ которой капитализмъ замѣнилъ собою натуральныя формы хозяйства, а лишь къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ капиталистическое производство развивается особенно успѣшно, сопровождается огромнымъ накопленіемъ національнаго

*) *Ibidem.*

богатства и проявляетъ въ значительныхъ размѣрахъ свои такъ называемыя творческія, организующія стороны,—такъ какъ только въ такихъ странахъ возникаетъ самая экономическая возможность для сколько-нибудь значительнаго повышенія матеріальнаго благосостоянія рабочихъ массъ, экономическая возможность для того пути наименьшаго сопротивленія, по которому рабочее движеніе можетъ направляться лишь при очень успѣшномъ развитіи капиталистическаго способа производства.

Эта очень важная черта развитого капитализма заслуживаетъ особаго нашего вниманія при подведеніи политическихъ итоговъ соціалистическаго движенія, при опредѣленіи причинъ и условій паденія буржуазнаго строя, такъ какъ она касается уже условій самаго рабочаго движенія, этой, такъ сказать, послѣдней инстанціи современной соціаль-демократической теоріи научнаго соціализма. Мы уже видѣли, что два первоначальныхъ устоя: промышленные кризисы и концентрація капитала, какъ она понималась въ началѣ, должны были быть отвергнуты, когда оказалось, что дѣйствительный ходъ промышленнаго развитія не подтвердилъ этихъ первоначальныхъ теоретическихъ построеній; тогда вся теорія соціалистическаго переворота, построенная на развитіи капиталистическаго способа производства, сосредоточилась на идеѣ организованнаго рабочаго движенія, возрастающаго въ своихъ размѣрахъ вмѣстѣ съ его развитіемъ. При этомъ мы видѣли, однако, что эта теорія оставляетъ совершенно въ сторонѣ тѣ противоположныя, буржуазныя, капиталистическія силы, которыя тоже возрастаютъ и накапливаются въ буржуазномъ обществѣ при всякомъ успѣшномъ развитіи капиталистической индустріи. Такая односторонность, несомнѣнно, вноситъ большую незаконченность и неопредѣленность во все построеніе, такъ какъ развивающееся рабочее движеніе приходится разсматривать совершенно независимо отъ той обстановки, въ которой ему приходится дѣйствовать, и всѣ его результаты, всѣ его общественныя послѣдствія могутъ измѣряться въ такомъ случаѣ лишь разсчетами на его неудержимый революціонный порывъ: какъ бы ни были велики препятствія, какъ бы ни были велики силы противника,—онѣ будутъ сломлены этимъ неудержимымъ революціоннымъ порывомъ организованнаго рабочаго движенія: такова общая идея этого новѣйшаго соціаль-демократическаго построенія. Но здѣсь кстати напомнить одинъ изъ любимыхъ афоризмовъ экономическихъ матеріалистовъ: гоните экономическія условія въ дверь, они не замедлятъ ворваться въ окно; когда игнорируется въ одной области извѣстная реальная общественная сила, она неминуемо заявляетъ о себѣ съ какой-нибудь другой стороны. Въ данномъ случаѣ эта реальная общественная сила проявляетъ себя въ томъ способѣ самозащиты, который буржуазія противопоставляетъ самому рабочему движенію: та огромная экономическая сила, которая создается на сторонѣ буржуазнаго общества разви-

тымъ капитализмомъ, доставляетъ ему возможность болѣе или менѣе оградить себя отъ угрожающей ему соціальной опасности и до известной степени ослабить революціонное значеніе той самой *организованности рабочихъ массъ*, которая, въ противномъ случаѣ, должна была бы служить прямымъ источникомъ его гибели. Развитой капитализмъ организуетъ рабочія массы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ имъ съ своей стороны нѣкоторый компромиссъ; онъ организуетъ ихъ не на почвѣ стихійнаго экономического хаоса и экономическихъ бѣдствій, сопровождающихся общественными катастрофами и безплодною гибелью производительныхъ силъ—какъ это рисовалось авторамъ Коммун. Манифеста,—а, напротивъ того, на почвѣ возрастающей планомѣрности капиталистической эксплуатаціи и все возрастающаго накопленія національныхъ богатствъ, дающихъ возможность организованнымъ рабочимъ массамъ добиваться непосредственныхъ экономическихъ улучшеній. Вслѣдствіе этого, наиболее организованная часть рабочаго класса неизбежно, въ силу фактическаго положенія вещей, въ силу данныхъ условій экономической жизни, идетъ по пути наименьшаго сопротивленія и вовлекается въ борьбу съ капиталистическимъ строемъ на почвѣ ближайшихъ экономическихъ задачъ и даже привлекается къ активному участию въ промышленной жизни страны. Развѣ мы не читаемъ, въ самомъ дѣлѣ, отчетовъ объ огромномъ ростѣ чисто профессиональныхъ рабочихъ союзовъ, напр., въ Англіи, обнимающихъ милліоны рабочихъ и насчитывающихъ десятками милліоновъ прибыли отъ своихъ потребительныхъ и кооперативныхъ предпріятій? Развѣ мы не читаемъ о томъ, какъ они вводятъ для своихъ служащихъ 8-ми часовую рабочій день, нормальную рабочую плату и пр.? Развѣ мы не читаемъ также о разныхъ третейскихъ камерахъ, устанавливающихъ «справедливую» скалу рабочихъ платъ, опредѣляющихъ «справедливую» норму капиталистической прибыли? Между тѣмъ, все это въ значительной степени чисто-оппортунистическое движеніе въ рабочей средѣ, несомнѣнно, развивается вмѣстѣ съ успешнымъ развитіемъ крупной капиталистической промышленности и ростомъ національнаго богатства, составляя одну изъ наиболее характерныхъ особенностей современнаго индустріализма. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ 1891 г., организованныхъ въ профессиональные синдикаты рабочихъ насчитывалось около 300.000 чел., а въ 1905 г. ихъ насчитывается уже 1.250.000 чел.; кассовая наличность этихъ синдикатовъ въ 1891 г. равнялась 161.000 руб., а въ 1903 г. она уже поднялась до 7.250.000 руб. Но при этомъ, вмѣстѣ съ такимъ ростомъ и процвѣтаніемъ, неизмѣнно повторяется одно и то же явленіе—замѣчается нѣкоторый поворотъ въ сторону болѣе умѣреннаго, выжидательнаго направленія, въ сторону скорѣе реальной, чѣмъ революціонной политики. Такъ, мы видимъ, что въ германскомъ соціалистическомъ движеніи

уже начинаютъ возникать теперь серьезныя опасенія на счетъ общаго направленія дѣятельности этихъ рабочихъ синдикатовъ. «По мѣрѣ роста и развитія профессиональнаго движенія» — читаемъ мы въ статьѣ бывшаго русскаго соціаль-демократическаго органа «Пролетарій» по поводу послѣдняго Кельнскаго профессиональнаго съѣзда — «начали раздаваться голоса, противопоставлявшіе *экономику политикѣ*, настаивавшіе на необходимости для профессиональных союзовъ держаться въ сторонѣ отъ всякой политики, вести свою мелкую будничную борьбу съ хозяевами за мелкія, будничныя требованія экономического характера». И эти голоса, какъ извѣстно, получили огромный перевѣсъ на Кельнскомъ съѣздѣ профессиональных союзовъ; рѣчь представителя чисто-экономическаго направленія, нѣкоего Бемельбурга, сопровождалась тамъ почти непрерывными рукоплесканіями, а предложенная имъ резолюція, отвергавшая политическія стачки и даже осуждавшая самую пропаганду ихъ, была принята почти единогласно. Интересно также сообщеніе другой русской соціаль-демократической газеты, «Искры», согласно которому «многіе изъ тѣхъ, которые на соціаль-демократическихъ конгрессахъ вотировали антибернштейновскія резолюціи, теперь въ Кельнѣ почувствовали себя свободными отъ всякой догмы, отъ всякой ортодоксіи» и «взяли реваншъ, отомстили соціаль-демократіи за Ганноверъ, Дрезденъ и пр.» — «Это, между прочимъ, обнаружило призрачность прежнихъ побѣдъ» — прибавляетъ авторъ статьи (№ 101).

Мы взяли на удачу эти нѣсколько фактовъ, чтобы указать на то направленіе, какое могутъ принять и *дѣйствительно принимаютъ* сами рабочія организаціи при условіи успѣшнаго развитія капиталистической промышленности. Разъ только уничтожена та предпосылка, согласно которой развивающіяся силы капитала обрушиваются на экономическое благосостояніе самого буржуазнаго общества и подрываютъ ростъ національнаго богатства, то тѣмъ самымъ уничтожается также и главная экономическая основа той аргументаціи, которая строитъ соціалистическій переворотъ исключительно на успѣшномъ развитіи крупнаго капиталистическаго производства. Теоретическая формула этого построенія: чѣмъ дальше по пути безпрепятственнаго и всесторонняго развитія капитализма, тѣмъ ближе къ соціалистическому перевороту, оказывается подточенной въ такомъ случаѣ въ одномъ изъ своихъ главныхъ устоевъ самымъ ходомъ экономической жизни: вмѣсто прежняго революціоннаго содержанія, экономическая практика представляетъ въ эту формулу свое болѣе или менѣе оппортунистическое содержаніе, заключающееся въ упроченіи буржуазной собственности, въ разслоеніи рабочихъ массъ и въ улучшеніи экономического положенія наиболѣе организованной части ихъ. Съ этой фактической поправкой необходимо серьезно считаться; нельзя •

ней забывать и оставлять лишь за одною частью когда-то цѣльной и нераздѣльной концепціи ея прежнее рѣшающее значеніе.

Здѣсь не лишнее напомнить, наконецъ, что первоначальная, старая концепція научнаго социализма понесла также еще одинъ уронъ, при столкновеніи съ дѣйствительнымъ ходомъ экономической эволюціи, поскольку она была рассчитана на распространеніе крупной формы капиталистическаго производства на всѣ главныя отрасли промышленности,—такъ какъ оказалось, что ей не доступна значительная часть сельско-хозяйственнаго производства, остающаяся въ рукахъ средняго и мелкаго крестьянства.

Намъ нечего, конечно, указывать читателямъ на серьезное значеніе этого новаго подрыва одного изъ главныхъ устоевъ социаль-демократической теоріи социализма. Въ самомъ дѣлѣ, если даже допустить, что, не смотря на всѣ тѣ внѣшнія и внутреннія противодѣйствія, какія противопоставляетъ развитой капитализмъ революціонному направленію въ самомъ рабочемъ движеніи, оно все-таки могло бы, въ концѣ концовъ, объединиться именно на революціонныхъ задачахъ, то тогда возникнетъ еще вопросъ—и очень важный, рѣшающій вопросъ для чисто пролетарской теоріи—объ относительныхъ размѣрахъ самого пролетаріата. Въ болѣе ранній періодъ марксизма вопросъ этотъ разрѣшался очень просто: мелкое крестьянство должно было быстро исчезнуть, а пролетаріатъ охватить собою почти всю рабочую массу. Этотъ тезисъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію и не требовалъ даже никакихъ доказательствъ. Еще въ 1894 г. Энгельсъ писалъ: «Короче, мелкій крестьянинъ, какъ всякій пережитокъ исчезнувшаго способа производства, неминуемо осужденъ на гибель. Это—будущій пролетарій». Авторъ Эрфуртской программы, Каутскій, также заявлялъ въ своихъ комментаріяхъ къ ней, что «мелкое крестьянское хозяйство экономически пережито» и что «идея о неизбежной гибели мелкаго производства красной нитью прошла черезъ весь его трудъ». Словомъ, идея объ исчезновеніи мелкаго крестьянства и о соотвѣтствующемъ численномъ приростѣ пролетаріата была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ представленіемъ о развивающемся пролетарскомъ движеніи и о приближающейся пролетарской диктатурѣ. И вотъ теперь эта идея относительно неминуемаго исчезновенія мелкаго крестьянства должна быть покинута; ее уже не могутъ поддерживать даже самые убѣжденные сторонники пролетарской точки зрѣнія въ пониманіи социализма. А между тѣмъ легко видѣть, что съ устраненіемъ этой излюбленной въ марксистской литературѣ и такъ долго отстаивавшейся ею идеи объ исчезновеніи мелкаго крестьянства должно дѣйствительно многое измѣниться въ законченности и обоснованности старой марксистской теоріи.

Итакъ, мы видимъ, что при современномъ состояніи экономической науки современная соціаль-демократическая теорія не имѣетъ достаточныхъ данныхъ для поддержанія своего взгляда на условія развитія соціалистическаго движенія, для установленія причинной связи между развитіемъ капитализма въ данной странѣ и соотвѣтствующимъ этому развитію приближеніемъ къ ликвидаціи буржуазнаго строя, между развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства и вытекающей отсюда экономической необходимости соціалистическаго переворота. Соціалистическій переворотъ необходимъ и неизбѣженъ, но онъ не вытекаетъ теоретически, онъ не можетъ быть обоснованъ научно исключительно изъ условій успѣшнаго и безпрепятственнаго развитія капиталистическаго способа производства. Экономическая наука устанавливаетъ съ точностью лишь гораздо болѣе общій и гораздо менѣе рѣшительный выводъ, а именно — тотъ выводъ, согласно которому вмѣстѣ съ развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства въ данной странѣ въ ней, въ извѣстныхъ предѣлахъ, все болѣе и болѣе разростается рабочее движеніе и расширяются рабочія организаци въ средѣ промышленнаго пролетаріата. На этомъ и останавливается данный научный выводъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ для опредѣленія относительныхъ размѣровъ и относительной политической силы этого разрастающагося рабочаго движенія, а, слѣдовательно, и для опредѣленія его политическихъ результатовъ. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, даже въ рамкахъ, охватываемыхъ этимъ выводомъ, самый ростъ рабочаго движенія и расширение рабочихъ организаций еще вовсе не всегда свидѣтельствуютъ, сами по себѣ, о ростѣ *революціонной* рабочей силы въ данной странѣ, такъ какъ мы знаемъ, напримѣръ, что въ Англіи существуютъ огромныя рабочія организаци съ ясно выраженнымъ въ нихъ анти-революціоннымъ направленіемъ; мы знаемъ даже, что самый численный ростъ соціалистическихъ партій въ промышленно развитыхъ странахъ еще вовсе не указываетъ, самъ по себѣ, на ростъ революціоннаго настроенія и революціоннаго могущества этихъ партій, ибо вмѣстѣ съ численнымъ ростомъ нѣмецкой соціаль-демократіи, напримѣръ, въ ней очень успѣшно развивается широкое оппортунистическое теченіе.

Приписывать такого рода крупныя и повторяющіеся факты въ массовыхъ рабочихъ движеніяхъ развитыхъ капиталистическихъ странъ вліянію отдѣльныхъ лицъ или вторженію бюргерскихъ элементовъ, или, наконецъ, пренебрежительному отношенію къ теоріи (какъ это дѣлаетъ, напр., «Искра» въ № 101) было бы въ высшей степени ненаучнымъ. Самая приверженность къ чисто-экономическому толкованію явленій общественной жизни должна была бы заставить искать и для этого крупнаго явленія извѣстной экономической основы,—и мы уже видѣли, что эту экономическую основу всего скорѣе можно найти въ той дифференціаціи рабочаго класса

и въ той возможности непосредственныхъ экономическихъ улучшеній для наиболѣе организованной его части, которая вызывается самимъ успѣшнымъ развитіемъ крупной капиталистической промышленности.

II.

До сихъ поръ мы еще совершенно не касались одной чрезвычайно важной стороны капиталистическаго развитія, а именно — присущаго ему международнаго характера. Если мы хотимъ правильно оцѣнить и выяснить въ ея настоящихъ размѣрахъ общественную роль современной крупной капиталистической промышленности, то мы должны обратить особое вниманіе на ея международный характеръ. Многія стороны ея вліянія получаютъ совсѣмъ другое значеніе, вслѣдствіе именно того обстоятельства, что, на высшихъ стадіяхъ ея развитія, ея главнымъ операціоннымъ базисомъ является уже не національный, а міровой рынокъ, и что въ такомъ случаѣ область ея эксплуатаціи выходитъ далеко за предѣлы ея собственнаго отечества, распространяясь на многія другія страны.

Международный характеръ крупной капиталистической промышленности не можетъ, конечно, подлежать никакому сомнѣнію. Самый способъ, какимъ она развивалась, заставлялъ ее очень скоро покидать узко національную почву и принимать міровые размѣры — какъ это превосходно показано еще въ Коммун. Манифестѣ:

«Крупная промышленность создала міровой рынокъ, подготовленный открытіемъ Америки. Міровой рынокъ вызвалъ неизмѣримое развитіе торговли, судоходства, сухопутныхъ сообщеній. Это въ свою очередь повліяло на расширеніе промышленности, и въ той же мѣрѣ, въ какой расширялись промышленность, торговля, судоходство, желѣзныя дороги, развивалась и буржуазія; она умножала свои капиталы, она оттѣсняла на задній планъ классы, переданные средними вѣками.

«Буржуазія своей эксплуатаціей мірового рынка придала производству и потребленію космополитическую форму. Къ великому огорченію реакціонеровъ, она вытянула національную почву изъ-подъ ногъ промышленности. Вѣковыя національныя промышленности или уничтожены, или съ каждымъ днемъ уничтожаются.

«Онѣ вытѣсняются новыми промышленностями, введеніе которыхъ становится жизненнымъ вопросомъ для всѣхъ цивилизованныхъ націй, промышленностями, которыя обрабатываютъ сырые продукты уже не туземные, а изъ отдаленнѣйшихъ поясовъ, промышленностями, фабричные продукты которыхъ потребляются не

только въ самой странѣ, но въ то же время и во всѣхъ частяхъ «вѣта»... и т. д. *).

Весь этотъ путь, какимъ развивалась капиталистическая промышленность, рассматривался въ Коммунистическомъ Манифестѣ въ своемъ революціонномъ значеніи, лишь по отношенію къ классамъ стараго, средневѣковаго общества, которыхъ буржуазія отодвинула на второй планъ; затѣмъ онъ рассматривался также авторами Коммун. Манифеста по отношенію къ вопросу о міровыхъ промышленныхъ кризисахъ, которые—какъ мы видѣли изъ первой главы—должны были, согласно первоначальной гипотезѣ, принимать все большіе и большіе размѣры и повести къ неминуемому распаденію буржуазнаго строя.

Но этотъ способъ развитія капиталистической промышленности, создавшій для нея міровой базисъ, мало обращаетъ на себя вниманіе сторонниковъ соціаль-демократической школы со стороны его, можно сказать, уничтожающаго вліянія на творческую, трансформирующую роль капиталистическаго развитія въ самой данной капиталистической странѣ, какъ въ смыслѣ усиленія политическаго могущества рабочихъ массъ, такъ и въ смыслѣ подготовленія матеріальныхъ условій для перехода къ соціалистическому строю.

Прежде всего мы должны еще разъ напомнить здѣсь о томъ разграниченіи, какое необходимо провести между различными видами тѣхъ капиталовъ, которые накаплиются въ рукахъ буржуазіи вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ расширяются міровые размѣры капиталистической промышленности и торговли. Мы должны еще разъ напомнить, что «съ точки зрѣнія марксизма, революціонная сила въ современномъ обществѣ лежитъ не въ капиталѣ вообще, а лишь въ *промышленномъ капиталѣ*; только послѣдній представляетъ собою ту силу, которая создаетъ подготовительныя условія для соціалистическаго способа производства и вызываетъ на свѣтъ тѣхъ пролетаріевъ, историческая задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы осуществить этотъ способъ производства» **).

Но если это такъ, то легко видѣть, какое огромное вліяніе на относительные размѣры промышленнаго капитала въ данной странѣ, въ ряду другихъ богатствъ, сосредоточивающихся въ ней въ рукахъ буржуазіи, должно было оказывать то обстоятельство, что высшее капиталистическое развитіе могло фактически совершиться лишь на *международной почвѣ*, на почвѣ все болѣе и болѣе расширяющейся міровой капиталистической эксплуатаціи.

«Крупная промышленность создала міровой рынокъ, а міровой рынокъ вызвалъ неизмѣримое развитіе торговли». Отсюда огромное накопленіе торговыхъ капиталовъ во всякой развитой капиталистической странѣ. Развитіе капиталистической промышленности неиз-

*) Переводъ Поссе, стр. 17—18.

**) Kautsky, „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 94.

бѣжно сопровождается возрастаніемъ торговаго капитала, но возрастаніе торговаго капитала не ведетъ за собою соотвѣтствующаго роста организованной рабочей арміи. Торговая прибыль на міровомъ рынкѣ не обусловлена занятіемъ извѣстнаго числа новыхъ рабочихъ рукъ; она обусловлена разницею въ стоимости производства данныхъ товаровъ въ различныхъ странахъ; по отношенію же къ продуктамъ обрабатывающей промышленности, это—своего рода рента, уплачиваемая странами съ менѣе развитой техникой, а, слѣдовательно, стоящихъ на низшей стадіи капиталистическаго развитія, въ пользу болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ. Въ концѣ концовъ, торговая прибыль представляетъ собою извѣстную форму эксплуатаціи населенія отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи странъ капиталистами передовыхъ промышленныхъ, но такую форму эксплуатаціи, которая не сопровождается дополнительнымъ приростомъ численности пролетаріата въ отечествѣ самихъ капиталистовъ. Потому-то Каутскій и говоритъ, что торговый капиталъ, въ противоположность промышленному, не вызываетъ на свѣтъ новыхъ отрядовъ революціоннаго пролетаріата, отъ численныхъ размѣровъ котораго зависитъ прежде всего возможность осуществленія имъ его исторической миссіи.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ богатства, которыя накаплиются въ рукахъ буржуазіи, благодаря торговой прибыли, и все то политическое вліяніе, которое обезпечиваетъ за собою буржуазія, благодаря накопленію въ ея рукахъ этихъ богатствъ, не уравниваются никакимъ приращеніемъ въ размѣрахъ той творческой организующей силы, которая создается ростомъ промышленнаго капитала и развитіемъ капиталистическаго способа производства. Если мы расчленимъ данную капиталистическую страну на два враждебно противостоящихъ одинъ другому лагеря, буржуазный и соціалистическій, то накопленіе богатствъ въ рукахъ буржуазіи, обусловленное ростомъ торговаго капитала, неизбѣжно должно увеличивать контингентъ самой буржуазіи и увеличивать число ея сторонниковъ, привлекаемыхъ на ея службу ея богатствами или же подкупаемыхъ ея филантропическими мѣропріятіями; но оно не способно ни въ малѣйшей степени повліять на возрастаніе числа сторонниковъ противоположнаго, соціалистическаго лагеря. Такимъ образомъ, вся та сторона капиталистическаго развитія, которая относится къ «неизмѣримому развитію торговли», неизбѣжно вызываемому, по словамъ Коммун. Манифеста, развитіемъ крупной промышленности, представляетъ собою неизбѣжное и постоянно возрастающее препятствіе въ процессѣ подготовленія данной капиталистической страны къ соціалистическому перевороту при помощи развитія въ ней крупнаго капиталистическаго производства.

Но, кромѣ торговаго капитала, къ категоріи не промышленныхъ принадлежитъ еще *денежный* капиталъ. Подобно торговому,

ростъ денежнаго капитала въ промышленныхъ странахъ неизбежно вызывается самымъ процессомъ развитія крупнаго капиталистическаго производства. Такъ какъ процессъ капиталистическаго развитія не можетъ быть замкнутъ въ предѣлы одной страны, то «потребность въ постоянно расширяющемся сбытѣ своихъ продуктовъ гоняетъ буржуазію по всему земному шару» *), при чемъ пріисканіе новыхъ рынковъ всегда представляетъ для нея извѣстныя затрудненія, а вслѣдствіе этого, и самое расширеніе капиталистическаго способа производства никогда не можетъ происходить безостановочно, въ размѣрахъ всей той части ежегоднаго прироста промышленной прибыли, которая не поглощается личными расходами предпринимателей; вотъ почему вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго способа производства изъ промышленныхъ оборотовъ всегда выдѣляются свободные денежные капиталы въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ размѣрамъ всего промышленнаго капитала въ данной странѣ. Въ такихъ промышленно-развитыхъ странахъ, какъ Англія, эти денежные капиталы достигаютъ, какъ извѣстно, громаднхъ размѣровъ, при чемъ ихъ непрерывный ростъ обусловленъ еще и тѣмъ, что они находятъ для себя помѣщеніе въ иностранныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и государственныхъ долгахъ, и, слѣдовательно,—подобно торговымъ капиталамъ—приносятъ ихъ владѣльцамъ прибыль, не связанную съ расширеніемъ капиталистической промышленности въ ихъ собственномъ отечествѣ.

Очевидно, что въ лицѣ этихъ непрерывно растущихъ денежныхъ капиталовъ мы снова имѣемъ такую форму богатствъ, скопляющихся въ рукахъ буржуазіи и увеличивающихъ ея политическое вліяніе, которая не сопровождается соотвѣтствующимъ ростомъ организованной рабочей арміи въ данной капиталистической странѣ. Первоначальнымъ источникомъ этихъ богатствъ служитъ выдѣленіе изъ капиталистическаго оборота данной страны части промышленнаго или торговаго капитала, а дальнѣйшій ростъ ихъ обусловленъ эксплуатаціей капиталистами этой страны населенія многихъ другихъ странъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ капиталистическій классъ промышленно-развитой страны распространяетъ свои промышленныя и ростовщическія операціи далеко за ея предѣлы, увеличивая этимъ путемъ безпредѣльно свое экономическое могущество, которое представляетъ все возрастающую силу въ его рукахъ по отношенію къ рабочему классу данной страны. Роль капиталистическаго развитія, поскольку оно выражается въ ростѣ денежнаго капитала, какъ бы распадается здѣсь на двѣ отдѣльныя части: все революціонизирующее его вліяніе, обусловленное эксплуатаціей и угнетеніемъ рабочихъ массъ, переносится въ международную область и, быть можетъ, способствуетъ съ своей стороны под-

*) „Коммун. Манифестъ“, стр. 18.

готовленію политическихъ и социальныхъ кризисовъ въ какой-нибудь болѣе отсталой въ промышленномъ отношеніи странѣ; вся же отрицательная сторона капиталистическаго развитія, выражающаяся въ возростаніи экономического могущества буржуазіи, въ увеличеніи числа состоятельныхъ лицъ и въ подготовленіи почвы для всевозможныхъ буржуазно-демократическихъ компромиссовъ, сосредоточивается внутри данной капиталистической страны. Легко понять, какія послѣдствія должно это оказывать на положеніе дѣла въ такой промышленно-развитой странѣ, какъ, напримѣръ, Англія, гдѣ пролетаріату приходится вести борьбу не только съ силами промышленной, но также и съ силами постоянно растущей торговой и денежной буржуазіи и преодолевать, вслѣдствіе этого, двойное и тройное сопротивленіе, оказываемое социалистическому движенію со стороны организованныхъ защитниковъ капиталистическаго строя. Со всѣхъ сторонъ міра притекають въ руки англійскихъ капиталистовъ все новые и новые денежные ресурсы, позволяющіе имъ идти на нѣкоторыя уступки требованіямъ организованныхъ рабочихъ массъ, довольствуясь меньшимъ процентомъ промышленной прибыли, и расширять область тѣхъ капиталистическихъ общественныхъ отношеній и учреждений (наемная печать, избирательный подкупъ, благотворительность, прислуга, наемное войско и пр.), которыя укрѣпляютъ ихъ капиталистическія позиціи въ борьбѣ съ социализмомъ. Такимъ образомъ и въ томъ, что касается денежныхъ капиталовъ, именно міровые размѣры капиталистическаго развитія, опирающагося на международную эксплуатацію, даютъ возможность капиталистамъ данной страны достигать такого колоссальнаго накопленія богатствъ, при одномъ и томъ же контингентѣ промышленныхъ рабочихъ, которое представляетъ для послѣднихъ трудно преодолимое препятствіе въ ихъ стремленіи къ низверженію капиталистическаго строя.

Наконецъ, намъ говорятъ, что развитіе капиталистической промышленности должно необходимо предшествовать социалистической организаціи общества еще и потому, что только оно одно способно подготовить матеріальныя условія для перехода къ социалистическому строю, при чемъ это подготовленіе матеріальныхъ условій заключается въ томъ, что крупная капиталистическая промышленность организуетъ все національное производство на основахъ коллективнаго труда и въ такихъ размѣрахъ, которые рассчитаны на удовлетвореніе потребностей не отдѣльныхъ семей или группъ, а цѣлаго населенія.

Но легко видѣть, что именно *международная основа* капиталистическаго способа производства придаетъ всей этой организаціи національнаго производства подъ вліяніемъ его развитія такой характеръ, что она оказалась бы совершенно не соответствующей

дѣйствительнымъ матеріальнымъ потребностямъ данной страны, если бы она по своимъ политическимъ и духовнымъ условіямъ уже была готова къ переходу къ соціалистическому строю.

«Буржуазія своею эксплуатаціей мірового рынка придала производству и потребленію космополитическую форму». И чѣмъ болѣе подвинулось впередъ капиталистическое развитіе данной страны, чѣмъ болѣе приближаются къ міровымъ размѣрамъ главныя отрасли ея обрабатывающей промышленности, тѣмъ менѣе онѣ отвѣчаютъ экономическимъ потребностямъ самого положенія этой страны. Въ то время, какъ ткацкія фабрики и металлургическіе заводы Англіи способны снабдить тканями и металлическими издѣліями всю Европу, та же самая Англія не въ состояніи была бы, при теперешней организаціи ея національнаго производства, прокормить себя въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году. Спрашивается: что стала бы дѣлать Англія со своими фабриками и машинами, если бы она захотѣла ликвидировать капиталистическую организацію своего производства и поставить свое національное хозяйство внѣ зависимости отъ промышленной конкуренціи и кризисовъ мірового рынка? Ей, очевидно, пришлось бы или перестраивать заново всю матеріальную обстановку своего національнаго производства, или же отложить ликвидацію буржуазнаго строя до того времени, когда послѣдняя могла бы произойти въ размѣрахъ уже не національнаго, а международнаго соціалистическаго переворота. Такъ какъ вся хозяйственная организація развитыхъ капиталистическихъ странъ построена внѣ всякаго соображенія съ дѣйствительными потребностями самого населенія,—въ чемъ именно и заключается главная причина такъ называемой современной промышленной анархіи—то въ высшей степени странною является та мысль, что эта именно хозяйственная организація, нисколько не соображенная съ экономическими потребностями населенія, можетъ служить готовыми рамками для перехода къ планомѣрной соціалистической организаціи національнаго производства. Легко видѣть, что въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, въ этомъ отношеніи, находятся тѣ болѣе отсталыя, въ смыслѣ экономическаго развитія, капиталистическія страны, которыя еще не способны охватывать своимъ производствомъ обширныя области мірового рынка, а принуждены довольствоваться въ главной степени внутреннимъ сбытомъ. Менѣе совершенная въ техническомъ отношеніи, промышленная организація такихъ странъ гораздо болѣе приспособлена, по своимъ матеріальнымъ условіямъ, къ переходу къ общественно-планомѣрной организаціи національнаго производства, при чемъ соотвѣтствующіе ея экономической отсталости сравнительно небольшіе размѣры тѣхъ торговыхъ и денежныхъ капиталовъ, которые сосредоточиваются въ рукахъ ея буржуазіи, представляютъ гораздо меньшее препятствіе для такого пере-

хода также и со стороны политическихъ условій, со стороны даннаго распредѣленія общественныхъ силъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ капиталистическое развитіе, на его наиболѣе высокихъ ступеняхъ, завладѣваетъ всѣми областями національнаго производства, оно неизбежно выходитъ далеко за предѣлы своей страны, распространяется въ формѣ торговой, промышленной или фискальной эксплуатаціи на рабочія массы другихъ странъ и доставляетъ въ руки буржуазнаго лагеря данной страны такія могущественныя средства борьбы противъ соціалистическаго движенія, которыми въ значительной степени парализуется положительное, трансформирующее значеніе этого капиталистическаго развитія, воплощающееся въ организованныхъ массахъ промышленнаго пролетаріата.

Положительная, творческая сторона капиталистическаго развитія парализуется, въ этомъ случаѣ, по отношенію къ данной капиталистической странѣ, вслѣдствіе того, что оно принимаетъ международный, міровой характеръ, при чемъ значительная часть этого революціонизирующаго вліянія падаетъ на другія страны, разсѣивается по всему свѣту, на долю же данной капиталистической страны приходится лишь та сторона капиталистическаго развитія, которая увеличиваетъ могущество буржуазнаго класса.

Мы уже видѣли, что это сосредоточеніе капиталистическаго могущества въ главныхъ центрахъ капиталистическаго развитія уже обратило на себя вниманіе Каутскаго, который высказываетъ даже мнѣніе, что Англія перестала быть истинной представительницей капитализма и сравниваетъ ее съ такими мѣстами искусственнаго скопленія богачей, какими являются, напримѣръ, Монте-Карло, или Тиргартенскій кварталъ въ Берлинѣ:

«Смѣшно было бы—говорить онъ—приходить къ заключенію объ увеличеніи числа имущихъ лицъ, какъ о законѣ капиталистическаго способа производства, на основаніи цифръ, относящихся къ резиденціи этихъ имущихъ... Чтобы изслѣдовать законъ извѣстнаго способа производства, мы должны принять во вниманіе всю охватываемую имъ область, а не одну лишь ея частичку» *).

Но, такъ какъ этою областью, охватываемою процессомъ капиталистическаго развитія одной промышленной страны, является безпредѣльно расширяющаяся область мірового рынка и международной эксплуатаціи, то очевидно, что, приводя этотъ аргументъ какъ бы въ защиту соціалъ-демократической теоріи социализма, Каутскій самъ наноситъ ей смертельный ударъ. Очевидно, что съ той точки зрѣнія, на которую становится здѣсь Каутскій, теорія социализма, согласно которой условія, необходимыя для соціалистической трансформации буржуазнаго общества, подготовляются развитіемъ капиталистическаго способа производства, должна быть разсматриваема,

*) Bernstein und das sozialdemokratische Programm, стр. 93.

не какъ теорія соціалистическаго переворота внутри наиболѣе развитыхъ промышленныхъ странъ, а какъ теорія *мірового соціалистическаго переворота*, при чемъ при такихъ его необъятныхъ размѣрахъ моментъ ликвидаціи буржуазнаго строя и осуществленія соціалистическихъ требованій дѣйствительно переносится въ неопредѣленно далекое будущее.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, въ отличіе отъ первоначальной гипотезы Маркса, современная соціаль-демократія связываетъ паденіе буржуазнаго строя не съ моментомъ капиталистическаго кризиса, не съ тѣми условіями, при которыхъ дальнѣйшее капиталистическое развитіе должно сдѣлаться уже невозможнымъ,—какъ мы находимъ это въ Коммун. Манифестѣ, гдѣ паденіе буржуазіи связывается съ ростомъ промышленныхъ кризисовъ и экономическихъ катастрофъ,—а, напротивъ того, въ современномъ марксизмѣ это паденіе буржуазнаго строя связывается съ періодомъ успѣшнаго и безпрепятственнаго развитія капитализма, и, слѣдовательно, съ періодомъ наибольшаго процвѣтанія буржуазнаго строя, такъ какъ развитіе капитализма составляетъ его основной жизненный нервъ, главный источникъ его могущества. Тотъ моментъ мірового промышленнаго кризиса, который долженъ, теоретически, рано или поздно наступить при постоянно расширяющейся области капиталистической эксплуатаціи, затеривается для современныхъ марксистовъ въ неопредѣленной дали и не играетъ никакой рѣшающей роли.

Когда современная соціаль-демократія говоритъ о развитіи капитализма, какъ о необходимомъ условіи своего собственнаго развитія, то рѣчь идетъ здѣсь не о періодѣ упадка, а именно о періодѣ успѣха и процвѣтанія капиталистическаго строя, когда онъ безпрепятственно и безпредѣльно расширяетъ предѣлы своего экономического могущества. И мы знаемъ, что сторонники соціаль-демократической школы считаютъ даже необходимымъ, въ интересахъ наиболѣе успѣшной борьбы съ капитализмомъ, обеспечивать ему возможность этого безпредѣльнаго и безпрепятственнаго успѣшнаго развитія.

Такъ, въ 1895 г. докладчикъ аграрной комиссіи на Бреславскомъ партейтагѣ, Кваркъ, предпослалъ своей защитѣ нѣкоторыхъ аграрныхъ требованій слѣдующее торжественное заявленіе: «Наше право на существованіе, какъ соціаль-демократической партіи, будетъ стоять твердо или пошатнется въ зависимости отъ того, будемъ ли мы непоколебимо поддерживать то положеніе, что *хозяйственное развитіе само по себѣ* (курсивъ нашъ) должно привести къ упраздненію частной собственности на всякаго рода

эксплуататорскій капиталъ, и что, поддерживая это развитіе, мы только гарантируемъ поступательное движеніе культуры» *).

Столь же опредѣленное, если еще не болѣе категорическое заявленіе было сдѣлано на томъ же самомъ социалистическомъ конгрессѣ Бебелемъ также по поводу предлагавшихся аграрной комиссіей добавленій къ партійной программѣ:

«Я ставилъ нашему аграрному проекту три слѣдующихъ требованія—говорилъ Бебель:—*во-первыхъ, чтобы онъ не нарушалъ капиталистическаго развитія общества* (курсивъ нашъ), *во-вторыхъ, чтобы онъ не противорѣчилъ принципамъ нашей партіи* и, *въ третьихъ—чтобы онъ не отягощалъ рабочій классъ въ интересахъ землевладѣльцевъ*» **). Первое изъ требованій, выставленное Бебелемъ, достаточно говорить само за себя.

Припомнимъ, наконецъ, слова Адлера на вѣнскомъ социалистическомъ конгрессѣ 1901 г.: «...Я хотѣлъ внести въ свой проектъ программы также и ту мысль, что мы *должны поддерживать техническое развитіе и ростъ производительныхъ силъ, поскольку они готовятъ духовныя и матеріальныя условія обобществленной формы собственности, что мы должны стать на службу этому развитію, что тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ этихъ предварительныхъ условіяхъ, мы должны совершенно сознательно помогать ихъ скорѣйшему возникновенію*» ***).

Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что современная социаль-демократія связываетъ освобожденіе рабочаго класса не съ періодомъ разложенія, а съ періодомъ процвѣтанія капиталистическаго строя; она смотритъ на развитіе капиталистической промышленности, какъ на путь, ведущій къ этому освобожденію; вслѣдствіе этого, социалистическое движеніе и капиталистическое развитіе не сталкиваются въ ея представленіи, какъ два враждебныхъ другъ другу теченія, а, напротивъ того, какъ бы сливаются въ одномъ историческомъ процессѣ,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ данному историческому періоду. Но легко видѣть, что такое отношеніе къ капиталистическому строю не можетъ не наложить своего отпечатка на постановку классовой борьбы. Классовая борьба, въ ея истинно-революціонномъ значеніи, предполагаетъ непримиримость интересовъ и отсутствіе той общей почвы, которая связывала бы между собою борющіяся стороны; между тѣмъ, по отношенію ко всему періоду капиталистическаго развитія между социаль-демократіей и капитализмомъ устанавливается какъ бы общность интересовъ, вытекающая изъ одинаковаго отношенія къ тому, что касается развитія капиталистической индустріи. Это развитіе капиталистической индустріи является, въ глазахъ современной социаль-

*) „Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages, abgehalten zu Breslau“, стр. 100.

**) Ibid. стр. 117.

***) Protokoll, стр. 104, (курсивъ въ подлинникѣ).

демократіи, залогомъ освобожденія рабочаго класса; но въ то же самое время съ этимъ развитіемъ капиталистической индустріи, несомнѣнно, связаны самые жизненные интересы буржуазіи; такимъ образомъ, между двумя непримиримыми врагами устанавливается на извѣстное время общая почва и не по какому-нибудь мелкому и второстепенному вопросу. Эта общая почва въ данный періодъ времени, въ предѣлахъ необходимаго, въ глазахъ соціаль-демократіи, промышленнаго развитія, не можетъ, конечно, не вліять на характеръ самой классовой борьбы между ею и буржуазіей; и мы знаемъ, что она дѣйствительно ограничиваетъ эту борьбу, низводитъ ее до размѣровъ экономическихъ реформъ, совмѣстимыхъ съ дальнѣйшимъ прогрессомъ капиталистической индустріи, до размѣровъ рабочаго законодательства, осуществимаго въ рамкахъ даннаго соціальнаго строя. Этотъ своего рода союзъ соціаль-демократіи съ капиталистическимъ строемъ, этотъ компромиссъ въ постановкѣ классовой борьбы, этотъ несомнѣнный оппортунизмъ съ точки зрѣнія революціонныхъ требованій социализма—являются неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ всего теоретическаго построенія соціаль-демократической школы, и этотъ выводъ вписанъ, какъ извѣстно, въ ея статуты подъ рубрикой минимальной программы; и не только вписанъ въ ея статуты, но и санкціонированъ многолѣтней практикой въ исторіи развитія западно-европейскихъ соціаль-демократическихъ партій.

Но намъ странно было бы, конечно, дѣлать отвѣтственными за такую постановку современной классовой борьбы пролетаріата въ наиболѣе развитыхъ промышленныхъ странахъ западной Европы,—классовой борьбы, исключающей всякую тѣнь революціонности по отношенію къ буржуазіи,—вождей западно-европейскихъ социалистическихъ партій и составителей западно-европейскихъ соціаль-демократическихъ программъ. Мы можемъ объяснить такое направленіе, принятое громаднымъ движеніемъ многомилліонныхъ рабочихъ массъ во многихъ обширныхъ государствахъ, лишь общими и очень могущественными причинами, далеко выходящими за предѣлы личной воли или личнаго умственнаго настроенія. При извѣстныхъ историческихъ данныхъ, сила общихъ соціальныхъ условій можетъ быть такъ велика, что она подчиняетъ себѣ программныя требованія и теоретическіе выводы даже тѣхъ соціологическихъ школъ, которыя претендуютъ на преимущественную объективность,—и вотъ такого именно рода непреодолимая сила вещей подчинила себѣ программныя требованія и выводы соціаль-демократической школы научнаго социализма.

Ея культъ капиталистическаго развитія, ея преклоненіе передъ революціонными свойствами современной индустріи есть ни что иное, какъ *преклоненіе предъ силою факта*. Мы видѣли, что Бебель, Викторъ Адлеръ и другіе считали бы измѣной по отношенію къ своей партійной программѣ всякое вмѣшательство въ промышлен-

ную жизнь съ цѣлью воспрепятствовать побѣдоносному шествію капиталистической индустріи; но стоитъ только поставить вопросъ,— *лежало ли бы въ предѣлахъ возможности* для социалистическихъ партій наиболѣе промышленныхъ странъ *помѣшать* этому побѣдоносному шествію,—чтобы отвѣтъ на него получился отрицательный. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ условія успѣшнаго капиталистическаго развитія были на лицо, были даны ходомъ исторіи, тамъ это развитіе являлось дѣйствительно непреодолимой стихійной силой. Мы можемъ отвергать существованіе общаго социологическаго закона, въ силу котораго каждая страна была бы подчинена непреодолимой силѣ промышленнаго развитія, но мы не можемъ отрицать этой непреодолимой силы тамъ, гдѣ имѣются на лицо всѣ необходимыя для того историческія данныя. И вотъ въ такихъ странахъ, какъ Англія или Германія, гдѣ быстрое развитіе капиталистической индустріи было обезпечено тѣмъ или другимъ сочетаніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій и гдѣ оно необходимо вело за собою быстрый ростъ національныхъ богатствъ и укрѣпленіе капиталистическаго господства,—тамъ у возникающихъ социалистическихъ партій *не было фактической возможности* сопротивляться этому могучему историческому потоку, и онѣ, не отказываясь при этомъ отъ иллюзіи объективности, подчинили свою партійную программу и тактику совершившемуся факту, обставляя ихъ извѣстными общими теоретическими положеніями.

Таково, несомнѣнно, истинное происхожденіе современной социаль-демократической теоріи научнаго социализма. При такомъ ея объясненіи она теряетъ, конечно, свой универсальный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она теряетъ и присущій ей метафизическій колоритъ, получая вполнѣ реальную историческую основу. Вмѣсто общаго и—какъ мы видѣли—не выдерживающаго критики философскаго и научнаго обоснованія, сводящагося къ тому положенію, что «развитіе современной индустріи неизбежно приводитъ къ социализму», а потому каждая социалистическая партія должна воздерживаться отъ потрясенія основъ этой современной индустріи,—современная социаль-демократическая программа получаетъ слѣдующее вполнѣ реальное фактическое обоснованіе, относящееся лишь къ данной капиталистической странѣ: такъ какъ такая-то капиталистическая страна уже вступила на путь капиталистическаго развитія, которое не можетъ быть задержано социалистической партіей, то послѣдней приходится волей-неволей развиваться лишь въ рамкахъ этого капиталистическаго развитія—вплоть до того момента, когда ей представится возможность выбиться изъ этихъ рамокъ и сбросить съ себя цѣпи буржуазнаго господства.

На этотъ именно чисто-фиктивный характеръ общаго теоретическаго обоснованія минимальной социаль-демократической программы мы и хотѣли обратить вниманіе читателей. Развѣ н

странно, въ самомъ дѣлѣ, создавать цѣлыя историко-философскія построенія, на основаніи которыхъ предписывать той или другой соціалистической партіи бережное отношеніе къ интересамъ промышленнаго развитія, когда оказывается, что фактически онѣ безсильны помѣшать этому промышленному развитію, что фактически онѣ скованы въ выборѣ пути своего собственнаго развитія и въ постановкѣ своей классовой борьбы тѣми рамками буржуазнаго строя, которыя онѣ не въ состояніи въ данное время сбросить съ себя? Когда данная политическая партія находится передъ лицомъ факта, которому она должна подчинить всю свою партійную тактику, то, по меньшей мѣрѣ, бесполезно приводить въ защиту этой тактики то соображеніе, что она-то именно и является такой тактикой, которая всего болѣе желательна и выгодна въ интересахъ самой этой политической партіи.

И не только бесполезно, но легко показать, что такого рода фиктивная теоретическая защита того пути развитія соціалистической партіи, который накладывается на нее силою обстоятельствъ влечетъ за собою ложное принципиальное отношеніе къ капиталистическому строю. Ибо одно дѣло—смотрѣть на условія развитія въ рамкахъ буржуазнаго строя, какъ на желѣзную необходимость, налагаемую силою вещей, и совсѣмъ другое дѣло—видѣть въ нихъ осуществленіе теоретическихъ требованій своей программы. Въ этомъ только смыслъ и существуетъ дѣйствительное различіе между оппортунистическимъ и революціоннымъ направленіемъ въ современномъ западно-европейскомъ соціализмѣ. Вся разница между Жоресомъ, напимѣръ, и Вальяномъ или, еще болѣе, между Жоресомъ и соціалистическими представителями современнаго революціоннаго синдикализма въ томъ именно и заключается, что Жоресъ откровенно заявляетъ, что, пока французская республика не будетъ нарушать завоеванныхъ французской демократіей правъ, французская соціалистическая демократія должна отказаться отъ революціонныхъ возстаній; Вальянъ же, а тѣмъ болѣе революціонные синдикалисты не признаютъ этого въ принципѣ, а послѣдніе даже и въ своей текущей практикѣ. Въ извѣстную эпоху, въ жизни данной соціалистической партіи можетъ не представиться возможность условій для фактическаго перехода на революціонную почву, но это нисколько не уничтожаетъ всей важности ея *принципиально-революціоннаго* отношенія къ буржуазному строю, которое необходимо будетъ имѣть свою долю вліянія на самую возможность этого перехода, ибо даже и «матеріалистическое пониманіе исторіи, на ряду съ экономической необходимостью, признаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые, хотя и опредѣляются экономическими мотивами, но въ то же время часто носятъ идейный и этический характеръ». Мы уже говорили, что ни въ какомъ случаѣ не можемъ считать отвѣтственной западно-европейскую соціаль-демократію за то, что она

фактически подчинила свою тактику неудержимому ходу капиталистическаго развитія, но мы не видимъ ровно никакихъ основаній съ ея стороны возводить этотъ голый историческій фактъ, эту стихійную власть накопленныхъ буржуазіей богатствъ, подавляющихъ собою рабочее движеніе, въ провиденціальнй путь, уготованный ему въ видахъ наискорѣйшаго осуществленія социализма.

Л. Шишко.

ПРОПАГАНДИСТЪ.

(Недѣйствительность).

Ему было четыре года, звали его Женя. Разъ утромъ, только что открывши глаза, онъ запѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Латышка-бонна тоже проснулась и долго смотрѣла на Женю недоумѣвающими глазами, а потомъ сѣла на кровать и долго хохотала, пока успѣла выговорить:

— Ну, корошо... Ставай, рабочій народъ!

На другой день повторилось то же самое и на третій, и на четвертый. А потомъ вошло въ норму, и уже бонна, когда Женя слишкомъ долго изображалъ въ своей кроваткѣ всѣ аллюры зайца, видѣннаго имъ въ лѣсу, на дачѣ, и не хотѣлъ одѣваться,—говорила ему:

— Ставай, подымайся, рабочій народъ!

И всегда этого было достаточно, чтобы заяцъ соскакивалъ съ кровати, и въ качествѣ рабочаго народа, по своей обычной манерѣ, полуголенькій, съ спутавшимися бѣлокурыми локонами, разставивши голенькія ножки и поднявши носъ кверху, воодушевленно запѣвалъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Бонна плохо справлялась съ русскимъ языкомъ, не знала, какія русскія слова позволены и какія не позволены, и сдѣлалась первой жертвой пропаганды.

Собственно говоря, первоисточникомъ пропаганды былъ мальчишка изъ рыбной лавки, курносый Сенька, 8—9 лѣтъ, всегда куда-то бѣжавшій во время утреннихъ прогулокъ Жени и сразу обратившій на себя вниманіе Жени. Во-пер-